Master Negative Storage Number

OCI00054.12

Tolstoy, Leo

Osada Sevastopolia

Moskva

1887

Reel: 54 Title: 12

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00054.12

Control Number: BGO-3173
OCLC Number : 25161509
Call Number : W 381.5917N T588o
Author : Tolstoy, Leo, graf, 1828-1910.
Title : Osada Sevastopolia.
Imprint : Moskva : Izdanie "Posrednika", 1887 (Moskva : Tip. I.D. Sytina)
Format : 71 p. ; 17 cm.
Note : Illustrated covers.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AR

W 34

PEACE BY PEACEFUL MEANS

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ.

(СОКРАЩЕНО ПО „РАЗСКАЗАМЪ О СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНѢ“ ЛЬВА ТОЛСТОГО).

Изданіе «ПОСРЕДНИКА».

МОСКВА.

Типографія И. Д. Сытина и К°. Пятницкая, собств. домъ.

1887.

Изданія Книжнаго Склада „ПОСРЕДНИКЪ“.

(С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Б. Невка № 14.)

1) Чѣмъ люди живы. Льва Толстого.
2) Богъ правду видитъ да не скоро скажетъ. Его же.
3) Кавказскій плѣнникъ. Его же.
4) Два старика. Его же.
5) Упустишь огонь, не потушишь. Его же.
6) Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Его же.
7) Христосъ въ гостяхъ у мужика. Н. С. Лѣскова.
8) Галя. О. И. Шмидтъ.
9) Странникъ.
10) Житіе с. Филарета Милостиваго.
11) Францискъ Ассизскій. Е. П. Свѣшниковой.
12) Кривая доля. В. И. Савихина.
13) Сократъ.
14) ДѣдъСофронъ. В. И. Савихина
15) Житіе св. Петра Мытаря.
16) Житіе св. Павлина Ноланскаго.
17) Свѣчка. Льва Толстого.
18) Фабіола, или древніе христіане.
19) Братъ на брата.
20) Іоаннъ Воинъ.
21) Царь Крезъ и др. разсказы.
22) Четыре дня на полѣ сраженія. В. М. Гаршина.
23) Жадный мужикъ. А. И. Эртеля.
24) Три сказки. Льва Толстого.
25) Первый винокуръ. Его же.
26) Сказка объ Иванѣ дуракѣ Его же.
27) Марья кружевница. О. Н. Хмѣлевой.
28) Махмудкины дѣти. В. И. Немировичъ-Данченко.
29) Воръ, Я. Е. Голобова.
30) Бабья доля.
31) Осада Севастополя (изъ Разсказовъ о Севаст. оборонѣ) Льва Толстого.

Каждая книжка съ двумя рисунками на обложкѣ.

КАРТИНЫ.

Духовнаго содержанія.

1. Искушеніе Господа нашего Іисуса Христа.
2. Страданіе Господа нашего Іисуса Христа.

Свѣтскаго содержанія.

3. Вражье лѣпко, а Божье крѣпко.
4. Два брата и золото.
5. Дѣвчонки умнѣе стариковъ.
6. Спѣсь.

Каждая картина съ соотвѣтствующимъ изложеніемъ помѣщается на листѣ размѣромъ въ 14×10 верш.

Приготовляются къ печати другія книжки и картины этого изданія.

Просятъ обращаться съ заказами и за справками непосредственно въ книжный складъ „Посредникъ“ (С. Петербургская сторона, Б. Невка № 14) и туда же адресовать всякую переписку по поводу этихъ изданій.

Дозволено цензурою. Москва, 1 Августа 1886 г.

Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Утренняя заря только-что начинаетъ окрашивать небо. Съ бухты несетъ холодомъ и туманомъ; снѣга нѣтъ, все черно, но утренній морозъ хватаетъ за лицо и трещитъ подъ ногами, и далекій гулъ моря одинъ нарушаетъ тишину утра.

На *Сѣверной* сторонѣ Севастополя понемногу начинается денная работа: гдѣ прошла смѣна часовыхъ, побрякивая ружьями; гдѣ докторъ уже спѣшитъ къ больницѣ; гдѣ солдатъ вылѣзъ изъ землянки, моетъ оледенѣлою водой загорѣлое лицо и, оборотясь на востокъ, быстро крестясь, молится Богу; гдѣ высокая, тяжелая *маджара* (татарская телѣга) на верблюдахъ со скрипомъ протащилась на кладбище хоронить окровавленныхъ покойниковъ, которыми она наложена чуть не до верху.... Я подошелъ къ пристани, — особенный запахъ каменнаго угля, навоза, сырости и говядины поразилъ меня; тысячи разнородныхъ предметовъ — дрова, мясо, *туры* (корзинки, набитыя землею: изъ нихъ строятся стѣны земляныхъ укрѣпленій), мука, желѣзо и т. д., — кучей лежатъ около пристани; солдаты разныхъ полковъ, съ мѣшками и ружьями, безъ мѣшковъ и безъ ружей — толпятся тутъ, курятъ, бранятся, перетаскиваютъ тяжести на пароходъ, который, дымясь, стоитъ около помоста; вольные *ялики* (маленькая лодка), наполненные всякаго рода народомъ — солдатами, моряками, купцами, женщинами, — причаливаютъ и отчаливаютъ отъ пристани.

— На *Графскую* (пристань въ Севастополѣ), ваше благородіе, пожалуйте! — кричатъ два или три отставныхъ матроса, вставая изъ яликовъ.

Я выбралъ тотъ, который поближе, перешагнулъ черезъ полусгнившій трупъ какой-то гнѣдой лошади, которая тутъ, въ грязи, лежитъ около лодки, и прошелъ къ рулю. Я отчалилъ отъ берега. Кругомъ блестящее уже на утреннемъ солнцѣ море, впереди — старый матросъ въ верблюжьемъ пальто и молодой бѣлоголовый мальчикъ, которые молча, усердно работаютъ веслами. Кругомъ разбросаны корабли и небольшія лодки; а вдали, въ морѣ, виднѣются непріятельскія суда.

Мы пристаемъ къ Графской пристани, гдѣ толпится уже много разныхъ лодокъ.

На набережной шумно шевелятся толпы сѣрыхъ солдатъ, черныхъ матросовъ и пестрыхъ женщинъ. Бабы продаютъ булки, мужики съ самоварами кричатъ: *сбитень горячій!* — и тутъ же, на первыхъ ступеняхъ, валяются заржавѣвшія ядра, бомбы, картечи и чугунныя пушки; немного далѣе — большая площадь, на которой валяются какіе-то огромные брусья, пушечные станки, спящіе солдаты, — стоятъ лошади, повозки, зеленые ящики и орудія, пѣхотные козлы; двигаются солдаты, матросы, офицеры, женщины, дѣти и купцы, ѣздятъ телѣги съ сѣномъ, съ кулями и съ бочками; кое-гдѣ проѣдутъ казакъ и офицеръ верхомъ, генералъ на дрожкахъ. Направо улица загорожена пушками, и около нихъ сидитъ матросъ, докуривая трубочку. Налѣво — у дома стоятъ солдаты и окровавленныя носилки, — вездѣ видны непріятные слѣды военнаго времени.

Сперва мнѣ показалось, что всѣ перепуганы, суетятся, не знаютъ, что дѣлать. Но вглядѣвшись ближе въ лица этихъ людей, я понялъ совсѣмъ другое. Вотъ солдатъ ведетъ поить какую-то гнѣдую тройку и такъ спокойно мурлыкаетъ себѣ что-то подъ носъ, что, очевидно, онъ не заблудился въ этой толпѣ, а исполняетъ свое дѣло, такъ же спокойно, какъ и въ мирное время. Тоже видно и въ лицѣ офицера, который проходитъ мимо, и въ лицѣ матроса, который куритъ, сидя около пушки, и въ лицѣ рабочихъ солдатъ, съ носилками дожидающихся на крыльцѣ больницы, и въ лицѣ этой женщины, которая, боясь замочить свое платье, по камешкамъ перепрыгиваетъ черезъ улицу.

Напрасно я искалъ суетливость, растерянность или готовность къ смерти, — ничего этого нѣтъ: я видѣлъ людей, спокойно занятыхъ будничнымъ дѣломъ... Но я увидалъ тамъ не будничныя дѣла, а ужасныя, грустныя, изумительныя зрѣлища.

Я вошелъ въ большую комнату. Только что отворилъ дверь, видъ и запахъ 40 или 50 самыхъ тяжело раненыхъ больныхъ — однихъ на койкахъ, большей же части на полу — вдругъ поразилъ меня. Мнѣ стало непріятно и какъ будто стыдно того, что я шелъ смотрѣть на страдальцевъ, но я вспомнилъ, какъ несчастные любятъ, когда ихъ навѣщаютъ, любятъ разсказывать про свои страданія и услышать слова любви и жалости, и я вошелъ. Я прошелъ по срединѣ постелей и искалъ лицо менѣе страдающее, къ которому бы я рѣшился подойти, чтобы побесѣдовать.

— Ты куда раненъ? — спросилъ я нерѣшительно

и боязливо у одного стараго, исхудалаго солдата, который, сидя на койкѣ, добродушно смотрѣлъ на меня и какъ будто приглашалъ подойти къ себѣ.

— Въ ногу, — отвѣчаетъ солдатъ; и я замѣтилъ по складкамъ одѣяла, что у него ноги нѣтъ выше колѣна. — Слава Богу теперь, — прибавляетъ онъ: — на выписку хочу.

— А давно уже ты раненъ?

— Да, вотъ шестая недѣля пошла, ваше благородіе.

— Что же, болитъ она у тебя теперь?

— Нѣтъ, теперь не болитъ... ничего; только какъ будто въ икрѣ ноетъ, когда непогода, а то ничего...

— Какъ же ты это былъ раненъ?

— На 5-мъ бастіонѣ, вашеблагородіе, какъ первая бандировка была: навелъ пушку, сталъ отходить, какъ *онъ* ударитъ меня по ногѣ, ровно какъ въ яму оступился, — глядь, а ноги нѣтъ.

— Неужели больно не было въ эту первую минуту?

— Ничего; только какъ горячимъ чѣмъ меня пхнули въ ногу.

— Ну, а потомъ?

— И потомъ ничего; только какъ кожу натягивать стали, такъ саднило какъ-будто. Оно, первое дѣло, ваше благородіе, — *не думать ничего*: какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше оттого, что думаетъ человѣкъ.

Въ это время ко мнѣ подошла женщина, въ сѣренькомъ полосатомъ платьѣ, повязанная чернымъ платкомъ; она вступаетъ въ разговоръ съ матро-

сомъ и начинаетъ разсказывать про него и про то, какъ онъ ужасно страдалъ цѣлыхъ четыре недѣли.

— Это — хозяйка моя, ваше благородіе! — замѣчаетъ вамъ матросъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говоритъ: «ужъ вы ее извините. Извѣстно, баба разжалобилась».

— Ну, дай Богъ тебѣ поскорѣе поправиться, и я подошелъ къ другому больному. Онъ лежалъ на полу и, какъ кажется, въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидалъ смерти.

Онъ лежалъ навзничь, закинувъ назадъ лѣвую руку, — блѣдное лицо его искажено страданіемъ. Сухой, открытый ротъ съ трудомъ выпускаетъ хрипящее дыханіе; голубые оловянные глаза закачены кверху и изъ подбившагося одѣяла высунутъ остатокъ правой руки, обвернутый тряпками. Тяжелый запахъ мертваго тѣла поразилъ меня, и пожирающій внутренній жаръ страдальца проникаетъ какъ будто и въ меня.

— Что, онъ безъ памяти? — спросилъ я у женщины, которая идетъ за мною и ласково, какъ на родного, смотритъ на меня.

— Нѣтъ еще, слышитъ, да очень плохъ, — прибавляетъ она шепотомъ. — Я его нынче чаемъ поила: что-жъ, хоть и чужой, все надо жалость имѣть, — такъ ужъ не пилъ почти.

— Какъ ты себя чувствуешь? — спросилъ я его.

Раненый поворачиваетъ зрачки на мой голосъ, но не видитъ и не понимаетъ меня.

— Въ сердцѣ горитъ.

Немного далѣе я увидалъ стараго солдата, который перемѣняетъ бѣлье. Лицо и тѣло его какого-то

коричневаго цвѣта и худо, какъ скелетъ. Руки у него совсѣмъ нѣтъ; она выщелушена въ плечѣ. Онъ сидитъ бодро, — онъ поправился.

Съ другой стороны я увидалъ накойкѣ страдальческое, блѣдное и нѣжное лицо женщины, на которомъ играетъ во всю щеку горячечный румянецъ.

— Это нашу матроску 5-го числа въ ногу задѣло бомбой, говоритъ мнѣ женщина та, что шла за мною, — она мужу на бастіонъ обѣдать носила.

— Что-жъ отрѣзали?

— Выше колѣна отрѣзали.

Я прошелъ въ дверь налѣво: въ той комнатѣ дѣлаютъ перевязки и *операціи* (операціей называется отрѣзываніе больныхъ или пораненыхъ частей тѣла). Я увидалъ тамъ докторовъ съ окровавленными, по локти, руками и блѣдными, угрюмыми лицами, занятыхъ около койки, на которой, съ открытыми глазами и говоря, какъ въ бреду, безсмысленныя, иногда простыя и трогательныя, слова, — лежитъ раненый. Доктора заняты отвратительнымъ, но благодѣтельнымъ дѣломъ. Острый кривой ножъ входитъ въ бѣлое, здоровое тѣло: съ ужаснымъ, раздирающимъ душу, крикомъ и проклятіями, раненый вдругъ приходитъ въ чувство; я увидалъ какъ фельдшеръ бросилъ въ уголъ отрѣзанную руку; — увидалъ, какъ на носилкахъ лежитъ, въ той же комнатѣ, другой раненый и, глядя на операцію товарища, корчится и стонетъ не столько отъ боли, сколько отъ ожиданія, — увидалъ ужасныя, потрясающія душу зрѣлища.

Выходя изъ этого дома страданій, я почувство-

валъ отраду, полнѣе вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ, почувствовалъ свое здоровье, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вспоминая эти страданія, почувствовалъ и свое ничтожество.

«Что значитъ смерть и страданія такого ничтожнаго червяка, какъ я, въ сравненіи съ столькими смертями и столькими страданіями?»...

Я пошелъ на бастіоны. На встрѣчу мнѣ попадаются похороны офицера, слышна стрѣльба съ бастіоновъ.

Я зашелъ въ трактиръ направо, послушать толки моряковъ и офицеровъ; тамъ ужъ, вѣрно, идутъ разсказы про нынѣшнюю ночь, про дѣло 24 числа, про то, какъ дорога и плоха пища и про то, какъ убитъ тотъ-то и тотъ-то товарищъ на 4-мъ бастіонѣ (это было самое опасное мѣсто въ Севастополѣ).

И мнѣ хотѣлось скорѣе итти на бастіоны, именно на 4-й, про который такъ много разсказывали. Я вышелъ изъ дверей направо и поднялся вверхъ по большой улицѣ. Дома по обѣимъ сторонамъ улицы разрушены, вывѣсокъ нѣтъ, двери закрыты досками, окна выбиты, гдѣ отбитъ ядромъ уголъ стѣны, гдѣ пробита крыша. По дорогѣ я спотыкаюсь на валяющіяся ядра и падаю въ ямы съ водой, вырытыя въ каменномъ грунтѣ бомбами. По улицѣ встрѣчаю и обгоняю солдатъ, офицеровъ; изрѣдка встрѣчается женщина или ребенокъ, но женщина — уже не въ шляпкѣ, а матроска — въ старой шубейкѣ и въ солдатскихъ сапогахъ. Проходя дальше по улицѣ и спустясь подъ гору, я замѣчаю вокругъ себя уже не дома, а какіе-то странныя развалины камней, досокъ, глины, бревенъ; впереди себя, на крутой горѣ, вижу какое-то черное, грязное мѣсто,

изрытое канавами, и это-то «впереди» и есть 4-й бастіонъ... Здѣсь народу встрѣчается еще меньше, женщинъ совсѣмъ не видно, солдаты идутъ скоро, по дорогѣ попадаются капли крови и непремѣнно встрѣчаются тутъ четыре солдата съ носилками и на носилкахъ блѣдно-желтоватое лицо и окровавленная шинель. Ежели бы я спросилъ: «куда раненъ?» — носильщики сердито, не поворачиваясь ко мнѣ, скажутъ въ ногу или руку, ежели онъ раненъ легко; или сурово промолчатъ, ежели изъ за носилокъ не видно головы и онъ уже умеръ или тяжело раненъ.

Недалекій свистъ ядра или бомбы, въ то самое время, какъ я сталъ подыматься на гору, непріятно поразилъ меня.

Только что я немного выбрался въ гору, справа и слѣва отъ меня начинаютъ жужжать пули и я было призадумался, не итти ли мнѣ по *траншеѣ* (ровъ, который вырывается для того, чтобы безопаснѣе проходить къ батареямъ); но траншея эта наполнена такою жидкою, желтою, вонючею грязью, выше колѣна, что я выбралъ дорогу по горѣ, тѣмъ болѣе, что, я вижу, *всѣ идутъ по дорогѣ.* Пройдя шаговъ двѣсти, я вышелъ на изрытое, грязное мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ насыпями, съ пороховыми погребами, землянками, на которыхъ стоятъ большія чугунныя пушки и ядра. Все это показалось мнѣ нагороженнымъ безъ всякаго порядка: гдѣ, на батареѣ, сидитъ кучка матросовъ; гдѣ, по срединѣ площади, до половины потонувъ въ грязи, лежитъ разбитая пушка; гдѣ пѣхотный солдатикъ, съ ружьемъ, переходитъ чрезъ батареи и съ

трудомъ выпаскиваетъ ноги изъ липкой грязи. Вездѣ, со всѣхъ сторонъ въ жидкой, вязкой грязи лежатъ неразорванныя бомбы, ядра; слышится свистъ пуль и ужасный гулъ выстрѣловъ.

«Такъ вотъ онъ — 4-й бастіонъ, вотъ онъ — это страшное, дѣйствительно ужасное мѣсто!» думалъ я себѣ. Но это еще не 4-й бастіонъ. Это Язоновскій редутъ — мѣсто, сравнительно, очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы итти на 4-й бастіонъ, нужно взять направо, по этой узкой траншеѣ, по которой, нагнувшись, побрелъ пѣхотный солдатикъ. По траншеѣ этой я встрѣтилъ опять носилки, матроса, солдатъ съ лопатами, — грязныя землянки, гдѣ могутъ согнувшись влѣзть только два человѣка, увидалъ опять, вездѣ, ту же вонючую грязь и разные обломки чугуна. Пройдя еще шаговъ триста, я вышелъ на батарею — на площадку, изрытую ямами, съ пушками и земляными валами. Здѣсь я увидалъ человѣкъ пять матросовъ, играющихъ въ карты подъ *брустверомъ* (земляная насыпь для защиты отъ непріятельскихъ выстрѣловъ), и морского офицера, который, замѣтивъ во мнѣ человѣка любопытнаго, съ удовольствіемъ показалъ мнѣ свое хозяйство и все, что для меня можетъ быть интереснаго. Офицеръ этотъ такъ спокойно свертывалъ папиросу, сидя на пушкѣ, такъ спокойно говорилъ со мною, что несмотря на пули, которыя чаще, чѣмъ прежде, жужжали надо мною, я становился спокойнѣе, внимательно разспрашивалъ и слушалъ разсказы офицера. Высовываясь изъ-за амбразуры *), —

*) Отверстіе для пушки.

чтобы посмотрѣть непріятеля, я ничего не увидалъ и очень удивился, когда увналъ, что этотъ бѣлый каменистый валъ, который такъ близко отъ меня и на которомъ вспыхиваютъ бѣлые дымки, — этотъ-то бѣлый валъ и есть непріятель — *онъ*, какъ говорятъ солдаты и матросы.

Морской офицеръ захотѣлъ при мнѣ пострѣлять немного. «Послать комендора и прислугу къ пушкѣ!» — и человѣкъ четырнадцать матросовъ — живо, весело, кто засовывая въ карманъ трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформѣ, — подошли къ пушкѣ и зарядили ее.

Вдругъ раздается ужаснѣйшій гулъ отъ выстрѣла: я вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Вслѣдъ затѣмъ послышался удаляющійся свистъ ядра — и густой пороховой дымъ застлалъ и меня и движущихся матросовъ. По случаю этого выстрѣла пошли различные толки матросовъ: «Въ самую *амбразуру* попало». «А вотъ онъ разсерчаетъ, — сейчасъ пуститъ сюда», сказалъ кто то изъ нихъ и, дѣйствительно, скоро, вслѣдъ за этимъ, впереди показался огонь и дымъ; часовой крикнулъ: «пу-ушка!» и вслѣдъ за этимъ, мимо насъ, взвизгнуло ядро, шлепнулось въ землю и воронкой взбросило вокругъ себя брызги и камни. Батарейный командиръ разсердился за это ядро, приказалъ зарядить другое и третье орудія, — непріятель тоже сталъ отвѣчать намъ. Часовой опять закричалъ «пушка!» — и послышался тотъ же ударъ, посыпались тѣ же брызги. «Маркела»! (мортира) послышится опять и опять посвистываніе бомбы все ближе и ближе, черный шаръ ударится о землю, со

вистомъ и визгомъ разлетятся потомъ осколки, за-
чуршатъ въ воздухѣ камни и забрызгаетъ всѣхъ
асъ грязью. Вотъ еще часовой прокричалъ «мар-
ела!» — еще посвистыванье, ударъ и разрывъ бом-
ы, но вмѣстѣ съ этимъ я услыхалъ стонъ чело-
ѣка. Я подошелъ къ раненому, который весь въ
рови и грязи. У матроса вырвана часть груди.
Его поднимаютъ, онъ останавливаетъ носилки и съ
рудомъ, дрожащимъ голосомъ, говоритъ товари-
щамъ: «простите, братцы!» Въ это время товарищъ-
атросъ подходитъ къ нему, надѣваетъ фуражку на
олову, которую подставляетъ ему раненый, и воз-
ращается къ своей пушкѣ. — Это каждый день
такъ — человѣкъ семь или восемь, — говоритъ мнѣ
орской офицеръ...

Я вернулся въ городъ...

По водѣ разносятся звуки полковой музыки на
ульварѣ и тутъ же вмѣстѣ слышатся выстрѣлы съ
астіоновъ.

Севастополь въ маѣ мѣсяцѣ.

I.

Въ осажденномъ городѣ Севастополѣ, на бульва-
ѣ, играла полковая музыка, и толпы военнаго на-
ода и женщинъ празднично одѣтыхъ двигались по
орожкамъ.

Высокій, немного сутуловатый, пѣхотный офи-
еръ, по фамиліи Михайловъ, вышелъ изъ калитки
дного изъ маленькихъ матросскихъ домиковъ и,
адумчиво глядя себѣ подъ ноги, пошелъ въ гору
ъ бульвару. На немъ была мало поношенная фу-

рашка, тонкая, немного странная, лилового цвѣта шинель, изъ-подъ которой виднѣлась золотая цѣпочка часовъ, панталоны со штрипками и чистые, блестящіе опойковые сапоги.

Онъ подошелъ сначала къ мѣсту, гдѣ стояли музыканты, и около которыхъ, больше смотря, чѣмъ слушая, составили кружокъ писаря, юнкера, нянъки съ дѣтьми. Кругомъ стояли, сидѣли и ходили, большею частію, моряки и офицеры въ бѣлыхъ перчаткахъ. Потомъ онъ подошелъ къ кружку офицеровъ. Кружокъ этотъ составляли четыре офицера: адъютантъ Калугинъ, знакомый Михайлова, адъютантъ князь Гальцинъ, полковникъ Нефердовъ и ротмистръ Праскухинъ.

— Что, капитанъ, — сказалъ Калугинъ, — когда опять на бастіончикъ? Помните, какъ мы съ вами встрѣтились на Шварцевомъ редутѣ, жарко было — а?

— Да, жарко, — сказалъ Михайловъ, и ему вспомнилось, какъ онъ въ ту ночь пробирался по траншеѣ на бастіонъ и встрѣтилъ Калугина, который шелъ такимъ молодцомъ, бодро побрякивая саблей.

— Мнѣ, по настоящему, приходится завтра итти; но у насъ боленъ, — продолжалъ Михайловъ, — одинъ офицеръ, такъ...

Онъ хотѣлъ разсказать, что чередъ былъ не его; но такъ какъ командиръ 8-й роты былъ нездоровъ, а въ ротѣ оставался прапорщикъ только, то онъ и хотѣлъ итти на бастіонъ на мѣсто поручика.

— А я чувствую, что на дняхъ что-нибудь будетъ, сказалъ Калугинъ князю Гальцину.

— А что, не будетъ нынче чего-нибудь? — роб

ко спросилъ, поглядывая то на Калугина, то на Гальцина.

Никто не отвѣчалъ ему.

Штабсъ-капитану Михайлову такъ пріятно было въ этомъ обществѣ, что онъ совсѣмъ забылъ, что ему сегодня надо будетъ итти на бастіонъ.

II.

Но едва Михайловъ перешагнулъ порогъ своей квартиры, какъ совсѣмъ другія мысли пошли ему въ голову. Онъ увидалъ свою маленькую комнату съ землянымъ, неровнымъ поломъ и кривыми окнами, залѣпленными бумагой, — свою старую грязную кровать съ ситцевымъ одѣяломъ, постель юнкера, который жилъ съ нимъ; увидалъ своего Никиту, который со взбудораженными, сальными волосами, почесываясь, всталъ съ пола; увидалъ свою старую шинель, личные сапоги и узелокъ, изъ котораго торчали конецъ сыра и горлышко бутылки съ водкою, приготовленной для него на бастіонъ, и вдругъ вспомнилъ, что ему нынче на цѣлую ночь итти съ ротой въ *ложементы* (ровъ впереди укрѣпленія).

«Навѣрное, мнѣ быть убитымъ нынче», думалъ Михайловъ, «я чувствую это. И надо же мнѣ было самому вызываться итти. Непремѣнно убьютъ. Ну, да что-жъ дѣлать, надо же кому нибудь итти; не мнѣ — такъ другому, нельзя цѣлой ротѣ итти съ однимъ офицеромъ. Онъ сѣлъ къ столу и сталъ писать прощальное письмо къ отцу. Чрезъ десять минутъ онъ написалъ письмо, всталъ отъ стола съ мокрыми отъ слезъ глазами и сталъ одѣваться.

Пьяноватый и грубый слуга лѣниво подалъ ему новый сюртукъ (старый, который всегда надѣвалъ Михайловъ, идя на бастіонъ, не былъ починенъ).

— Отчего не починенъ сюртукъ? Тебѣ только бы все спать, эдакой!.. — сердито сказалъ Михайловъ.

— Чего спать? — проворчалъ Никита: — день-деньской бѣгаешь, какъ собака, — умаешься, небось; а тутъ — не засни еще!

— Ты опять пьянъ, я вижу!

— Не на ваши деньги напился, — что попрекаете?

— Молчи, болванъ! — крикнулъ Михайловъ. Его раздосадовала грубость Никиты, котораго онъ любилъ, баловалъ даже и съ которымъ жилъ уже 12 лѣтъ.

— Болванъ? болванъ? — повторялъ слуга: — и что ругаетесь болваномъ, сударь? Вѣдь, теперь время какое, нехорошо ругать.

Михайловъ вспомнилъ, куда онъ идетъ, и ему стыдно стало.

— Вѣдь, ты хоть кого выведешь изъ терпѣнія... Никита, — сказалъ онъ кроткимъ голосомъ, — письмо это къ батюшкѣ на столѣ оставь, такъ и не трогай, — прибавилъ онъ, краснѣя.

— Слушаю-съ, — сказалъ Никита. Ему жаль стало своего барина. Онъ хлопалъ глазами и собирался заплакать.

Когда же на крыльцѣ Михайловъ сказалъ: «прощай, Никита»! то Никита вдругъ зарыдалъ и бросился цѣловать своего барина. «Прощайте, баринъ!» всхлипывая, говорилъ онъ. Старуха матроска, столь-

шая на крыльцѣ, начала утирать глаза грязнымъ рукавомъ и приговаривать что-то о томъ, что ужъ на что господа — и тѣ какія муки принимаютъ; и что она, бѣдный человѣкъ, вдовой осталась, и разсказала въ сотый разъ пьяному Никитѣ о своемъ горѣ: какъ ея мужа убили еще въ первую *бандировку* и какъ ея домишко весь разбили (тотъ, въ которомъ она жила, принадлежитъ не ей) и т. д.

«А можетъ-быть только ранятъ», разсуждалъ самъ съ собою Михайловъ, уже сумерками подходя съ ротой къ бастіону. — «Ну, куда, какъ?.. Въ животъ или въ грудь? «Вотъ ежели бы сюда (онъ думалъ о верхней части ноги), да кругомъ бы обошла... Ну, а какъ сюда, да осколкомъ — кончено!»

Михайловъ благополучно дошелъ по траншеямъ до ложементовъ, разставилъ, уже въ совершенной темнотѣ, людей на работу и сѣлъ въ ямочку подъ брустверомъ. Стрѣльба была малая: только изрѣдка вспыхивали то у насъ, то у *него* огни, и свѣтящая бомба пролетала на темномъ звѣздномъ небѣ. Но всѣ бомбы ложились далеко сзади и справа ложемента, въ которомъ, въ ямочкѣ, сидѣлъ Михайловъ. Онъ выпилъ водки, закусилъ сыромъ, закурилъ папиросу и, помолясь Богу, хотѣлъ заснуть немного.

III.

Солдаты несли на носилкахъ и вели подъ руки раненыхъ. На улицѣ было совершенно темно; только рѣдкое изъ свѣтилось окно въ больницѣ или у засидѣвшихся офицеровъ. Съ бастіоновъ доносился тотъ же грохотъ пушекъ и ружейной пере-

палки, и тѣ же огни всцыхивали на черномъ небѣ. Изрѣдка слышались — топотъ лошади проскакавшаго солдата, стонъ раненаго, шаги и говоръ носильщиковъ или женскій говоръ испуганныхъ жителей, вышедшихъ на крылечко посмотрѣть на стрѣльбу.

Знакомый намъ Никита, старая матроска и десятилѣтняя дочь ея тоже стояли на крыльцѣ и разговаривали.

— Господи! — говорила про себя, вздыхая, старуха, глядя на бомбы, которыя, какъ огненные мячики, безпрестанно перелетали съ одной стороны на другую; — страсти-то, страсти какія! И и...хи-хи! Такого и въ первую бандировку не было. Вишь, гдѣ лопнула, проклятая! прямо надъ нашимъ домомъ въ слободкѣ.

— Нѣтъ, это дальше, — къ тетинькѣ Аринкѣ въ садъ все попадаютъ, — сказала дѣвочка.

— И гдѣ-то, гдѣ-то баринъ мой таперича? — сказалъ Никита нараспѣвъ и еще пьяный немного. — Ужъ какъ я люблю этого барина своего, такъ самъ не знаю, — такъ люблю, что если, избави Богъ, да убьютъ его грѣшнымъ дѣломъ, такъ, вѣрите-ли, тетенька, я послѣ этого самъ не знаю, что могу надъ собою произвести, — ей Богу! Ужъ такой баринъ, что... одно слово! Развѣ съ этими смѣнить, что тутъ въ карты играютъ?.. Это что? — тьфу, одно слово! — заключилъ Никита.

— Звѣздочки-то, звѣздочки такъ и катятся! — глядя на небо, сказала дѣвочка — вонъ, вонъ еще скатилась! Къ чему это такъ, маменька — а?

— Совсѣмъ разобьютъ домишко нашъ, — сказа-

ла старуха, вздыхая и не отвѣчая на вопросъ дѣвочки.

— А какъ мы нынче съ дяинькой ходили туда, маинька, — продолжала пѣвучимъ голосомъ разговорившаяся дѣвочка, — такъ большущее такое ядро въ самой комнаткѣ подлѣ шкапа лежитъ: оно сѣнцы, видно, пробило да въ горницу и влетѣло... Такое большущее, что не поднимешь!

— У кого были мужья, да деньги, такъ повыѣхали, — говорила старуха, — а тутъ послѣдній домишко — и тотъ разбили. Вишь какъ, вишь какъ палитъ, злодѣй! Господи, Господи!

— А какъ намъ только выходить, какъ одна бомба прилетитъ, какъ лопнетъ, какъ засыплетъ землею, такъ даже чуть-чуть насъ съ дяинькой однимъ оскребкомъ не задѣло — продолжала разсказывать дѣвочка.

IV.

Князь Гальцинъ прямо съ бульвара пошелъ къ Калугину. Пока они сидѣли и пили чай, подъ окно къ нимъ подскакалъ офицеръ съ казакомъ. Калугинъ подошелъ къ окну и спросилъ:

— Откуда?

— Съ бастіона, генерала нужно! и офицеръ сталъ слѣзать съ лошади.

— Пойдемте, я васъ провожу.

Чрезъ пять минутъ Калугинъ уже сидѣлъ верхомъ на лошади и ѣхалъ на бастіонъ съ приказаніями отъ генерала.

Гальцинъ остался одинъ; онъ подошелъ въ окну. Бомбы то и дѣло пролетали по темному небу; слы-

шались выстрѣлы и вдали раздалось протяжное «ура». Гальцину не сидѣлось въ комнатѣ и онъ пошелъ на улицу.

По дорогѣ ему стало попадаться все больше и больше раненыхъ: однихъ несли на носилкахъ, другіе шли, помогая другъ другу, и тутъ я громко разговаривали между собою.

— Какъ они подсвоячили, братцы мои, — говорилъ басомъ одинъ высокій солдатъ, несшій два ружья за плечами, — какъ подсвоячили, какъ крикнутъ: «Алла, Алла!» — такъ другъ на друга и лѣзутъ.

— Ты съ бастіона? — спросилъ Гальцинъ.

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Ну, что тамъ было? Разскажи.

— Да что было? Подступила ихъ, ваше благородіе, *сила*, лѣзутъ на валъ — да и шабашъ. Одолѣли совсѣмъ, ваше благородіе!

— Какъ одолѣли?.. Да, вѣдь, вы отбили же?

— Гдѣ тутъ отбить, когда *его* вся *сила* подошла! Перебилъ всѣхъ насъ, а помощи не подаютъ.

Солдатъ ошибался, потому что траншея была за нами; но это — всегда такъ бываетъ; всегда солдатъ, раненый въ дѣлѣ, считаетъ его проигранымъ и ужасно кровопролитнымъ.

— Какъ же мнѣ говорили, что отбили? — съ досадой сказалъ Гальцинъ. — Можетъ быть, послѣ тебя отбили?.. Ты давно оттуда?

— Сейчасъ, ваше благородіе! — отвѣчалъ солдатъ. — Врядъ-ли! должно за нимъ траншея осталась... Совсѣмъ одолѣли.

Гальцинъ обернулся этимъ и сказалъ:

— Ну, какъ вамъ не стыдно — отдали траншею... Это ужасно!

— Что жъ, когда *сила?* — проворчалъ солдатъ.

— И, ваше благородіе, — заговорилъ въ это время солдатъ съ носилокъ, когда носилки поровнялись съ Гальцинымъ, — какъ же не отдать, когда перебилъ всѣхъ почитай? Когда-бы наша сила была, ни въ жизнь-бы не отдали. А то что сдѣлаешь?.. О-хъ, легче, братцы, ровнѣе, ровнѣе идь. О-о-о! — застоналъ раненый.

— А въ самомъ дѣлѣ, кажется, много лишняго народа идетъ, — сказалъ Гальцинъ, останавливая опять того же высокаго солдата съ двумя ружьями. — Ты зачѣмъ идешь? Эй, ты, остановись!

Солдатъ остановился и лѣвою рукою снялъ шапку.

— Куда ты идешь и зачѣмъ? — закричалъ онъ на него строго.

Но въ это время онъ подошелъ ближе къ солдату и замѣтилъ, что правая рука его была въ крови и выше локтя.

— Раненъ, ваше благородіе!

— Чѣмъ раненъ?

— Сюда — должно, пулей, — сказалъ солдатъ, указывая на руку, — а ужъ здѣсь не могу знать, чѣмъ голову-то прошибло, — и онъ нагнулъ ее, и показалъ окровавленные и слипшіеся волосы на затылкѣ.

— А ружье другое чье?

— Французское, ваше благородіе, отнялъ. Да я бы не пошелъ, кабы не этого солдатика проводить, а то упадетъ неравно, — прибавилъ онъ и показалъ на солдата, который шелъ немного впереди, опираясь

на ружье и съ трудомъ таща и передвигая лѣвую ногу.

Князю Гальцину вдругъ ужасно стыдно стало за свои напрасныя придирки. Онъ почувствовалъ, что краснѣетъ, отвернулся и уже больше не разспрашивалъ раненыхъ и не смотрѣлъ на нихъ, а пошелъ туда, гдѣ перевязываютъ раненыхъ.

Съ трудомъ пробившись на крыльцѣ между пѣшкомъ шедшими ранеными и носильщиками, входившими съ ранеными и выходившими съ мертвыми, Гальцинъ вошелъ въ первую комнату, взглянулъ и тотчасъ же невольно повернулся назадъ и выбѣжалъ на улицу: то, что онъ увидалъ, было слишкомъ ужасно!

V.

Большая, высокая, темная комната была полна ранеными. Доктора со свѣчами въ рукахъ ходили и осматривали раненыхъ. Носильщики безпрестанно вносили раненыхъ, складывали ихъ одинъ подлѣ другого на полъ и шли за новыми. На полу было уже такъ тѣсно, что несчастные толпились и мокли въ крови другъ друга. Отъ горячаго дыханія нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, отъ пота рабочихъ съ носилками, тутъ стоялъ такой тяжелый, густой, вонючій смрадъ, что даже свѣчи горѣли тускло и пасмурно. Гулъ отъ разныхъ стоновъ, вздоховъ, хрипѣнія, иногда криковъ носился по всей комнатѣ. *Сестры* со спокойными лицами шагали чрезъ раненыхъ съ лѣкарствомъ, водою, съ бинтами, корпіей, мелькали между окровавленными рубашками и рубахами. Доктора, съ засученными рукавами, стояли

на колѣняхъ предъ ранеными, осматривали и ощупывали раны, несмотря на ужасные стоны и мольбы страдальцевъ. Одинъ изъ докторовъ сидѣлъ около двери за столикомъ и въ ту минуту, какъ въ комнату вошелъ Гальцинъ, записывалъ уже 532 раненаго.

— Иванъ Богаевъ, рядовой 3-й роты Селенгинскаго полка!... Переломъ бедра, — кричалъ другой докторъ, ощупывая разбитую ногу. — Переверните его.

— Ой-ой, отцы мои, вы наши отцы! — кричалъ солдатъ, умоляя, чтобъ его не трогали.

— Проломъ головы!

— Семенъ Нефердовъ, подполковникъ Минскаго пѣхотнаго полка!... Вы немного потерпите, а то этакъ нельзя: я брошу, — говорилъ третій, ковыряя какимъ-то крючкомъ въ головѣ несчастнаго подполковника.

— Ай, не надо! Ой, ради Бога, скорѣе, скорѣй, ради... А-а-а-а!..

— Пробитіе груди!.. Севастьянъ Середа, рядовой... какого полка?.. Впрочемъ, не пишите. — умираетъ. Несите его, — сказалъ докторъ, отходя отъ солдата, который, закативъ глаза, хрипѣлъ уже.

Человѣкъ сорокъ солдатъ-носильщиковъ, дожидаясь ноши — перевязанныхъ въ больницы и мертвыхъ въ часовню, стояли у дверей и, молча, изрѣдка вздыхая, смотрѣли на все это...

VI.

По дорогѣ къ бастіону, офицеръ Калугинъ встрѣтилъ много раненыхъ; но, по опыту зная, какъ

дурно дѣйствуетъ на духъ человѣка это зрѣлище, онъ не только не останавливался разсматривать ихъ, но, напротивъ, старался не обращать на нихъ никакого вниманія. Подъ горой ему попался офицеръ, который скакалъ съ бастіона.

— Зобкинъ! Зобкинъ! постойте на минуту.

— Ну, что?

— Вы откуда?

— Изъ ложементовъ.

— Ну, какъ тамъ — жарко?

— Ахъ, ужасно!

И офицеръ поскакалъ дальше.

Дѣйствительно, хотя ружейной стрѣльбы было мало, но канонада (пушечная стрѣльба) завязалась съ новымъ жаромъ и ожесточеніемъ.

«Ахъ, скверно!» подумалъ Калугинъ. Ему стало непріятно и онъ вспомнилъ про смерть. Онъ подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ надо было слѣзать съ лошади. Здѣсь онъ увидалъ четырехъ солдатъ, которые сидѣли и курили трубки.

— Что вы здѣсь дѣлаете? — крикнулъ онъ.

— Раненаго отводили, ваше благородіе, да отдохнуть захотѣли, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, пряча за спину трубку и снимая шапку.

— То-то отдохнуть... Маршъ къ своимъ мѣстамъ.

И онъ вмѣстѣ съ ними пошелъ по траншеѣ въ гору, на каждомъ шагу встрѣчая раненыхъ. Поднявшись въ гору, онъ повернулъ налѣво и, пройдя по ней нѣсколько шаговъ, очутился совершенно одинъ. Близехонько отъ него прожужжалъ осколокъ и ударился въ траншею. Другая бомба поднялась предъ нимъ и, казалось, летѣла прямо на него.

Ему вдругъ сдѣлалось страшно: онъ рысью пробѣжалъ шаговъ пять и прилегъ на землю. Когда же бомба лопнула, и далеко отъ него, ему стало ужасно досадно на себя, и онъ всталъ, оглядываясь, не видалъ-ли кто-нибудь какъ онъ лежалъ; но никого не было.

Стоитъ только разъ поддаться страху и тогда уже не скоро онъ пропадетъ. Калугинъ, который всегда хвастался, что никогда не нагибается подъ пулями, теперь бѣгомъ и чуть-чуть не ползкомъ пошелъ по траншеѣ. «Ахъ, нехорошо!», думалъ онъ споткнувшись, «непремѣнно убьютъ!» онъ чувствовалъ какъ трудно дышалось ему и какъ потъ выступалъ по всему тѣлу, и онъ удивлялся самому себѣ.

Вдругъ чьи-то шаги послышались впереди его. Онъ быстро разогнулся, поднялъ голову и, бодро побрякивая саблей, пошелъ уже не такими шагами, какъ прежде. Онъ не узнавалъ себя. Когда онъ сошелся со встрѣтившимся ему сапернымъ офицеромъ и матросомъ, и первый крикнулъ ему: «ложитесь!» указывая на свѣтлую бомбу, которая, свѣтлѣе и свѣтлѣе, быстрѣе и быстрѣе приближаясь, шлепнулась около траншеи, — только немного Калугинъ нагнулъ голову и пошелъ дальше.

— Вишь, какой бравый! и ложиться не хочетъ, — сказалъ матросъ, который самъ преспокойно смотрѣлъ на падавшую бомбу и опытнымъ глазомъ сразу разчелъ, что осколки ея не могутъ задѣть въ траншеѣ.

Уже нѣсколько шаговъ только оставалось Калу-

тину перейти черезъ площадку до блиндажа *) командира бастіона, какъ опять на него напалъ этотъ глупый страхъ; сердце забилось сильнѣе, кровь хлынула въ голову, и онъ насилу могъ добыть до *блиндажа*.

— Что вы такъ запыхались? — сказалъ генералъ, когда Калугинъ передавалъ ему приказанія.

— Шелъ очень скоро, ваше превосходительство! — Не хотите ли вина стаканъ?

Калугинъ выпилъ стаканъ вина и закурилъ папироску. Дѣло уже прекратилось, только сильная канонада продолжалась съ обѣихъ сторонъ. Въ блиндажѣ сидѣли генералъ Шанфиловъ, командиръ бастіона Праскухинъ и еще человѣкъ шесть офицеровъ, и говорили про разныя подробности дѣла. Калугинъ сидѣлъ въ этой удобной комнатѣ съ диваномъ, кроватью, столомъ, на которомъ лежали бумаги, стѣнными часами и образомъ, предъ которымъ горѣла лампада, — глядѣлъ на толстыя аршинныя балки потолка, слушая выстрѣлы, казавшіеся слабыми въ блиндажѣ, и рѣшительно не могъ понять, какъ онъ два раза могъ такъ струсить. Онъ сердился на себя, и ему хотѣлось опять, чтобы снова испытать себя.

Въ это время въ блиндажъ вошелъ морской офицеръ и сталъ просить генерала дать ему рабочихъ, чтобы исправить на его батареѣ двѣ амбразуры, которыя были засыпаны. Когда онъ пересталъ говорить съ генераломъ, Калугинъ сказалъ ему:

*) Помѣщеніе для жилья, крыша котораго устраивается такимъ образомъ: настилаются здоровенныя бревна, а на нихъ насыпаютъ толстый слой земли, чтобы не могла пробить бомба эту крышу.

— А, я радъ, что вы здѣсь, капитанъ, генералъ приказалъ мнѣ узнать, могутъ-ли наши пушки стрѣлять картечью?

— Одна только пушка можетъ, — угрюмо отвѣчалъ капитанъ.

— Все-таки пойдемте, посмотримъ.

Капитанъ нахмурился и сердито крякнулъ.

— Ужь я всю ночь тамъ простоялъ, пришелъ хоть отдохнуть немного, — сказалъ онъ, — нельзя-ли вамъ однимъ сходить? Тамъ мой помощникъ вамъ все покажетъ.

Капитанъ уже шесть мѣсяцевъ командовалъ этой, одной изъ самыхъ опасныхъ, батарей и даже, когда не было блиндажей, не выходя съ начала осады, жилъ на бастіонѣ и между моряками имѣлъ названіе храбреца. Поэтому-то его отвѣтъ очень удивилъ Калугина. Капитанъ этотъ жилъ уже шесть мѣсяцевъ на бастіонѣ и привыкъ не лѣзть безъ нужды въ опасность, а Калугинъ былъ еще новичекъ въ этомъ дѣлѣ — ему нравилась опасность и поэтому онъ счелъ капитана за труса и съ насмѣшкой сказалъ ему:

— Ну, такъ я пойду одинъ, если вы позволите.

Осмотрѣвъ батарею и направляясь назадъ къ блиндажу, Калугинъ наткнулся, въ темнотѣ, на генерала, который съ своими подчиненными шелъ навышку.

— Ротмистръ Праскухинъ! — сказалъ генералъ, — сходите, пожалуйста, въ правый ложементъ и скажите второму баталіону Минскаго полка, который теперь на работѣ, чтобъ онъ оставилъ работу, не выходя вышелъ оттуда и присоединился къ своему

полку, который стоитъ подъ горой въ *резервѣ* (въ запасѣ)... Понимаете? Сами отведете батальонъ въ полку.

— Ступаю-съ!

И Праскухинъ рысью побѣжалъ къ локменту. Стрѣльба становилась рѣже.

VII.

— Это — второй баталіонъ Минскаго полка? — спросилъ Праскухинъ, прибѣжавъ къ мѣсту и наткнувшись на солдатъ, которые въ мѣшкахъ носили землю.

— Такъ точно-съ.

— Гдѣ командиръ?

Михайловъ подумалъ что, спрашиваютъ ротнаго командира; онъ вылѣзъ изъ своей ямки и, принимая Праскухина за начальника, держа руку у козырька, подошелъ къ нему.

— Генералъ приказалъ... вамъ... извольте итти... но скорѣе... и, главное, потише назадъ... не назадъ, а къ резерву, — говорилъ Праскухинъ, искоса поглядывая на огни непріятеля.

Михайловъ узналъ Праскухина, опустилъ руку, разобралъ въ чемъ дѣло и передалъ приказаніе. Баталіонъ зашевелился, забралъ ружья, налѣлъ шинели и двинулся.

Кто не былъ самъ на бастіонѣ, тотъ не можетъ вообразить, какъ ралъ бываетъ человѣкъ, когда ему удастся уйти изъ этого опаснаго мѣста. Михайловъ, пока сидѣлъ тутъ, уже много разъ успѣлъ подумать о томъ, что его непремѣнно убьютъ, успѣлъ даже

привыкнуть къ этой мысли. Но когда онъ шелъ впереди своей роты рядомъ съ Праскухинымъ, онъ насилу могъ удержать свои ноги, чтобы они не бѣжали.

— До свиданья, — сказалъ ему майоръ, командиръ другого баталіона, который оставался тутъ и съ которымъ они вмѣстѣ закусывали сыромъ, сидя въ ямочкѣ около бастіона, — счастливаго пути!

— И намъ желаю счастливо отстоять. Теперь, кажется, затихло.

Только что онъ успѣлъ сказать это, какъ непріятель, должно быть замѣтивъ движеніе въ бастіонъ, сталъ палить чаще и чаще. Наши стали отвѣчать ему, и опять поднялась сильная канонада. Ночь была темная — хоть глазъ выколи; только огни отъ выстрѣловъ и разрыва бомбъ временами освѣщали дорогу, гдѣ шли солдаты. Солдаты шли скоро, молча и невольно перегоняли другъ друга; слышны были мѣрный звукъ ихъ шаговъ по сухой дорогѣ, звуки столкнувшихся штыковъ или вздохъ и молитва какого-нибудь солдатика: «Господи, Господи! что это такое?» Иногда слышался стонъ раненаго и крики: «носилки!» (Въ ротѣ, которою командовалъ Михайловъ, было убито въ ночь 36 человѣкъ). Вдали вспыхивала молнія, часовой съ бастіона кричалъ: «пу-ушка!» И ядро, жужжа надъ ротой, взрывало землю и взбрасывало камни.

— Чортъ возьми! какъ они тихо идутъ, — думалъ Праскухинъ, оглядываясь назадъ и шагая подлѣ Михайлова, — право, лучше побѣгу впередъ: вѣдь, я передалъ приказаніе... Впрочемъ, нѣтъ, вѣдь, могутъ разсказывать потомъ, что я — трусъ. Что будетъ, то будетъ — пойду рядомъ.

— И зачѣмъ онъ идетъ за мной, — думалъ, съ своей стороны, Михайловъ; — сколько я ни замѣчалъ, онъ всегда приноситъ несчастіе. Вотъ она летитъ, прямо сюда, кажется.

Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, они столкнулись съ Калугинымъ, который, бодро побрякивая саблей, шелъ къ бастіонамъ, чтобы, по приказанію генерала, узнать, какъ тамъ подвинулись работы. Встрѣтивъ Михайлова, онъ подумалъ, что чѣмъ ему самому, подъ этимъ страшнымъ огнемъ, итти туда, чего и не было ему приказано, онъ можетъ разспросить все подробно у офицера, который былъ тамъ. И дѣйствительно, Михайловъ подробно разсказалъ ему про работы. Пройдя еще немного съ нимъ, Калугинъ повернулъ въ траншею, ведущую къ блиндажу.

— Ну, что новенькаго? — спросилъ офицеръ, который одинъ сидѣлъ въ комнатѣ и ужиналъ.

— Да ничего; кажется, что ужъ больше дѣла не будетъ.

— Какъ не будетъ?.. Напротивъ, генералъ сейчасъ опять пошелъ на вышку. Еще полкъ пришелъ. Да вотъ она... слышите? — опять пошла ружейная. Вы не ходите. Зачѣмъ вамъ? — прибавилъ офицеръ, замѣтивъ, что Калугинъ хотѣлъ итти.

— А мнѣ, по настоящему, непремѣнно надо тамъ быть, подумалъ Калугинъ, — ну, да ужъ я и такъ нынче много былъ въ опасности, стрѣльба ужасная.

— И, въ самомъ дѣлѣ, я ихъ лучше здѣсь подожду, — сказалъ онъ.

Дѣйствительно, минутъ черезъ двадцать генералъ

вернулся вмѣстѣ съ офицеромъ и юнкеромъ Пестомъ. Ложементы были отбиты и заняты нами.

Разспросивъ хорошенько о дѣлѣ, Калугинъ, вмѣстѣ съ Пестомъ, вышелъ изъ блиндажа.

— У тебя штыкъ въ крови: неужели ты дрался въ рукопашную? — спросилъ его Калугинъ.

— Ахъ, ужасно! Можете себѣ представить...

И Пестъ сталъ разсказывать.

Батальонъ, къ которому прикомандированъ былъ юнкеръ для вылазки, часа два подъ огнемъ стоялъ около какой-то стѣнки, потомъ батальонный командиръ впереди сказалъ что-то, ротные командиры зашевелились, батальонъ тронулся, прошелъ шаговъ сто, остановился, построясь въ ротные колонны. Песту сказали, чтобъ онъ сталъ на правомъ флангѣ второй роты.

Юнкеръ сталъ на мѣстѣ й со страхомъ сталъ смотрѣть впередъ, въ темную даль, ожидая чего-то страшнаго. Опять батальонный командиръ впереди сказалъ что-то. Опять шепотомъ заговорили офицеры, передавая приказанія, и первая рота вдругъ опустилась, — приказано было лечь. Вторая рота легла также, и Пестъ, ложась, накололъ руку на какую-то колючку. Не легъ только одинъ командиръ второй роты. Онъ стоялъ передъ ротой и размахивалъ шпагой.

Въ это время передъ самой ротой вдругъ вспыхнуло пламя, раздался трескъ, оглушившій всю роту. высоко въ воздухѣ зажужжали камни и осколки и одинъ камень упалъ сверху и отбилъ ногу солдату. Это была бомба, и то, что она попала въ роту, показывало, что французы замѣтили роту.

Вслѣдъ за этимъ первая рота встала, за ней вторая. Приказано было взять ружья на перевѣсъ, и батальонъ пошелъ впередъ. Пестъ былъ въ такомъ страхѣ, что рѣшительно не помнилъ себя и шелъ какъ пьяный. Вдругъ со всѣхъ сторонъ заблестѣлъ милліонъ огней, засвистѣло, затрещало что-то. Пестъ закричалъ и побѣжалъ куда-то, потому что всѣ бѣжали и всѣ кричали. Потомъ онъ споткнулся и упалъ на ротнаго командира, который былъ раненъ. Пестъ приподнялся, но на него, въ темнотѣ, сниной наскочилъ какой-то человѣкъ и чуть опять не сбилъ съ ногъ; другой человѣкъ кричалъ: «коли его! что смотришь!» Онъ взялъ ружье и воткнулъ штыкъ во что-то мягкое. «Ахъ, Боже!» закричалъ кто-то по французски страшнымъ, пронзительнымъ голосомъ, и тутъ только Пестъ понялъ, что онъ закололъ француза. Холодный потъ выступилъ у него по всему тѣлу, онъ затрясся какъ въ лихорадкѣ, бросилъ ружье и побѣжалъ прочь отъ убитаго француза. Пробѣжавъ шаговъ двадцать, онъ прибѣжалъ въ траншею. Тамъ были наши и батальонный командиръ».

VIII.

— А знаете, Праскухинъ убитъ! — сказалъ Пестъ, провожая Калугина, который шелъ къ нему.

— Не можетъ быть!

— Какъ же: я самъ его видѣлъ.

— Прощайте, однако: мнѣ надо скорѣе.

— Я очень доволенъ, — думалъ Калугинъ, возвращаясь къ дому: — въ первый разъ на мое дежурство — счастіе. Отличное дѣло: я и живъ, и цѣлъ.

Доложивъ генералу все, что нужно было, онъ пришелъ въ свою комнату, въ которой, ужъ давно дожидался его, сидѣлъ князь Гальцинъ.

Съ большимъ удовольствіемъ Калугинъ вошелъ къ себѣ въ домъ, раздѣлся, легъ на постель и сталъ разсказывать Гальцину, что онъ видѣлъ и слышалъ.

Только-что Калугинъ отошелъ отъ Михайлова и Праскухина, какъ вдругъ они увидали молнію, ярко блеснувшую сзади ихъ, услыхали крикъ часового: «маркела!» и слова одного изъ солдатъ, шедшихъ сзади: «какъ разъ на бастіонъ прилетитъ!»

Михайловъ оглянулся и увидалъ, какъ бомба все ближе и быстрѣе со свистомъ опускалась прямо въ средину баталіона.

— Ложись! — прикнулъ чей-то голосъ.

Михайловъ и Праскухинъ прилегли къ землѣ. Праскухинъ, зажмурясь, слышалъ только, какъ бомба гдѣ-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, которая показалась часомъ — бомбу не рвало. Праскухинъ испугался: не напрасно ли онъ струсилъ; можетъ быть, бомба упала далеко. Онъ открылъ глаза и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Михайловъ, около самыхъ ногъ его, недвижимо лежалъ на землѣ. Но тутъ онъ поднялъ глаза и увидалъ въ аршинѣ отъ него кружившуюся бомбу.

Ужасъ нашелъ на него. Онъ закрылъ лицо руками.

Прошла еще секунда — секунда, въ которую онъ успѣлъ много, много передумать и въ которую ему припомнилась вся его жизнь прежняя, весь его нынѣшній.

— Кого убьетъ — меня или Михайлова, или обоихъ вмѣстѣ? А коли меня, то куда? Въ голову, такъ все кончено; а если въ ногу, то отрѣжутъ, и я могу еще лишь остаться. А можетъ быть одного Михайлова убьетъ: тогда я буду разсказывать, какъ мы рядомъ шли, его убило, и меня кровью забрызгало. Нѣтъ, ко мнѣ ближе... меня! Впрочемъ, можетъ быть, не попадетъ, — думалъ онъ и хотѣлъ открыть глаза. Но въ это время еще сквозь закрытыя вѣки, онъ увидалъ красный огонь и съ страшнымъ трескомъ что-то толкнуло его въ средину груди; онъ вскочилъ, побѣжалъ куда-то, споткнулся на какую-то саблю и упалъ на бокъ.

«Слава Богу! я только *контуженъ* (ушибленъ), подумалъ онъ и онъ хотѣлъ руками дотронуться до груди; но руки его казались привязанными, и какіе-то тиски сдавили голову. Онъ хотѣлъ крикнуть, что онъ контуженъ, но ротъ былъ такъ сухъ, что языкъ прилипъ къ небу. Ему страшно хотѣлось пить. Онъ чувствовалъ, какъ мокро у него около груди: «Вѣрно я въ кровь разбился, какъ упалъ», подумалъ онъ. Ему становилось все страшнѣе, онъ собралъ всѣ свои силы и хотѣлъ закричать: «Возьмите меня!» Но вмѣсто этого застоналъ такъ ужасно, что ему страшно стало слушать себя. Онъ сдѣлалъ усиліе, вытянулся и уже больше не видѣлъ, не слышалъ, не думалъ и не понималъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ осколкомъ, въ середину груди.

Михайловъ, увидавъ бомбу, упалъ на землю и такъ же, какъ Прасковинъ, много передумалъ и припомнилъ, въ эти двѣ секунды пока бомба летала неразорванною. Онъ мысленно молился Богу

и все твердилъ: «да будетъ воля Твоя! Все кончено! убитъ», думалъ онъ, когда бомбу разорвало, и онъ почувствовалъ ударъ въ голову и сильную боль. «Господи! прости мои согрѣшенія», проговорилъ онъ; онъ всплеснулъ руками, приподнялся и упалъ на землю.

Когда онъ очнулся, онъ почувствовалъ боль въ головѣ и кровь на лбу и на носу. «Это душа отходитъ», подумалъ онъ. — Что будетъ *тамъ*? Господи! пріими духъ мой съ миромъ. Только одно странно», раздумывалъ онъ, «какъ же это я — умираю, а слышу шаги солдатъ и вижу».

— Давай носилки!.. эй!.. ротнаго убило! — крикнулъ надъ его головой голосъ, который онъ узналъ. Это говорилъ барабанщикъ Игнатьевъ.

Кто-то взялъ его за плечи. Онъ открылъ глаза и увидалъ надъ головой темносинее небо, звѣзды и двѣ бомбы, которыя летѣли надъ нимъ, догоняя одна другую, — увидалъ Игнатьева, солдатъ съ носилками и ружьями, валъ гранатъ и вдругъ повѣрилъ, что онъ еще не на томъ свѣтѣ.

Онъ былъ легко раненъ въ голову. Барабанщикъ платкомъ завязалъ голову своему командиру и, взявъ его подъ руку, повелъ къ перевязочному мѣсту.

«Куда я зачѣмъ иду? подумалъ Михайловъ, когда онъ опомнился немного. — Мнѣ надо оставаться съ ротой, а не уходить впередъ, да и рота скоро выйдетъ изъ-подъ огня», шепнулъ ему какой-то голосъ.

— Не нужно братецъ, — сказалъ онъ и выдернулъ руку отъ услужливаго барабанщика. — я не пойду на перевязочное мѣсто — я останусь съ ротой.

И онъ повернулъ назадъ.

— Вамъ бы лучше перевязаться, ваше благородіе, какъ слѣдуетъ, — сказалъ Игнатьевъ: — вѣдь это сгоряча оно только оказываетъ, что ничего; а то хуже бы не сдѣлать: вѣдь, тутъ вонъ какая картня идетъ... право, ваше благородіе!

Михайловъ остановился на минуту въ перѣшимости и, кажется, послушался бы Игнатьева, если бы не вспомнилъ, какъ много тяжело раненыхъ на перевязочномъ мѣстѣ. «Можетъ быть, доктора улыбнутся моей царапинѣ», подумалъ Михайловъ и рѣшительно, не смотря на слова барабанщика, пошелъ назадъ къ ротѣ.

— А гдѣ офицеръ Праскухинъ, который шелъ со мной? — спросилъ онъ прапорщика, который велъ роту, когда они встрѣтились.

— Не знаю... убитъ, кажется, — неохотно отвѣчалъ прапорщикъ.

— Убитъ, или раненъ, какъ же вы не знаете?.. Вѣдь, онъ съ нами шелъ. И отчего вы его не взяли?..

— Гдѣ тутъ было брать, когда жарня эдакая!

Михайловъ разсердился.

— Ахъ, какъ же это вы, Михаилъ Ивановичъ, такъ говорите — какъ же бросить, ежели онъ живъ; да и убитъ, такъ все-таки тѣло надо было взять.

— Гдѣ живъ, когда я вамъ говорю: я самъ подходилъ и видѣлъ! — сказалъ прапорщикъ.

Михайловъ присѣлъ и схватился за голову, которая отъ ходьбы ужасно заболѣла у него.

— А ну какъ онъ еще живъ, — сказалъ Михайловъ, — нѣтъ надо сходить и взять его, а то грѣхъ будетъ на душѣ. На то мы и люди, чтобы не о себѣ только думать.

Михаилъ Иванычъ не отвѣчалъ.

«Вотъ онъ не взялъ тогда, а теперь надо солдатъ посылать однихъ: а какъ посылать?... Подъ этимъ страшнымъ огнемъ могутъ убить задаромъ», думалъ Михайловъ.

— Ребята! надо сходить назадъ — взять офицера, что раненъ тамъ въ канавѣ, — сказалъ онъ не очень громко и строго. Онъ зналъ, какъ непріятно будетъ солдатамъ исполнять это приказаніе — и, дѣйствительно, никто не вышелъ, чтобъ исполнить его.

«А можетъ, онъ уже умеръ и *не стоитъ* посылать солдатъ, виноватъ одинъ я, что не позаботился. Схожу самъ — узнаю, живъ ли онъ», сказалъ самъ себѣ Михайловъ.

— Михаилъ Иванычъ! ведите роту, а я васъ догоню, — сказалъ онъ и, подобравъ шинель, рысью побѣжалъ по траншеѣ.

Онъ нашелъ тѣло Праскухина, увѣрился, что онъ уже мертвый и побѣжалъ назадъ. Повязка на головѣ у него сбилась и голова начинала сильно болѣть. Баталіонъ былъ уже подъ горой, когда Михайловъ догналъ его

«Однако, надо будетъ завтра сходить въ больницу записаться», подумалъ Михайловъ, въ то время, какъ пришелъ фельдшеръ и сталъ перевязывать его.

IX.

Сотни свѣжихъ окровавленныхъ тѣлъ людей лежали на зеленомъ лугу и на ровномъ полу часовни мертвыхъ въ Севастополѣ. Сотни людей, съ проклятіями и молитвами на пересохшихъ устахъ, пол-

зали, ворочались и стонали — одни между мертвыми тѣлами на лугу, другіе на носилкахъ, на койкахъ и на окровавленномъ полу перевязочнаго мѣста; а въ Божьемъ мірѣ все такъ же, какъ и въ прежніе дни, было тихо и спокойно: загорѣлась зарница, поблѣднѣли звѣзды, потянулъ бѣлый туманъ съ моря, зажглась алая заря на востокѣ, — и все такъ же, какъ и въ прежніе дни, выплывало могучее, прекрасное солнце.

На нашемъ бастіонѣ и на французско . раншеѣ выставлены бѣлые флаги (бѣлые флаги означаютъ перемиріе), на лугу кучами лежатъ, безъ сапогъ, въ сѣрыхъ и синихъ одеждахъ, изуродованныя тѣла. Рабочіе сносятъ ихъ и накладываютъ на повозки, слышенъ запахъ мертваго тѣла. Изъ Севастополя и изъ французскаго стана толпы народа высыпали смотрѣть на это зрѣлище.

— Послушайте, что говорятъ между собой эти люди.

Вотъ въ этомъ кружкѣ русскихъ и французовъ, молоденькій офицеръ говоритъ пофранцузски; хоть и плохо онъ говоритъ, но французы понимаютъ его. Онъ стоитъ и разсматриваетъ сумку.

— А здѣсь зачѣмъ изображена птица? — спрашиваетъ онъ.

— Потому, что эта сумка гвардейскаго баталіона, который отличается стъ другихъ императорскимъ орломъ, — отвѣчаетъ французъ.

— А вы изъ гвардіи?

— Нѣтъ, я изъ шестаго линейнаго баталіона.

— Это гдѣ купили? — спрашиваетъ офицеръ, ука-

зывая на деревянную желтую сигарочницу, въ которой французъ куритъ папиросу.

— Въ Балаклавѣ. Это очень простая вещь изъ пальмоваго дерева, — отвѣчаетъ французъ.

— Хорошенькая вещичка, — говоритъ офицеръ.

— Если вы возьмете отъ меня эту вещичку на память, то я буду очень радъ.

И учтивый французъ выдуваетъ папироску и подаетъ офицеру сигарочницу съ маленькимъ поклономъ. Офицеръ даетъ ему свою, и всѣ кругомъ какъ французы, такъ и русскіе, кажутся очень довольными и улыбаются.

Вотъ пѣхотный бойкій солдатъ, въ розовой рубашкѣ и съ шинелью въ накидку, съ другими солдатами, веселыми и довольными, подошелъ къ французу и попросилъ у него огня закурить трубку. Французъ разжигаетъ, расковыриваетъ трубочку и высыпаетъ огня русскому.

— Табакъ *бунъ* (то-есть хорошъ), — говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ — и всѣ улыбаются.

— Да, бонъ табакъ, табакъ туркъ; а руссъ табакъ бонъ? — говоритъ французъ.

— Русъ бунъ, — говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, и всѣ покатываются со смѣху. — *Франсе нетъ бунъ, бонжу мусье!* — говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, сразу ужъ выпуская весь свой запасъ французскихъ словъ и треплетъ француза по животу и смѣется. Французы тоже смѣются.

— О чемъ это они смѣются? — говоритъ другой французъ, подходя къ нашимъ.

— Кафтанъ бунъ, — говоритъ бойкій солдатъ,

разсматривая шитыя полы французскаго мундира, и опять смѣются.

— Не заходить за линію, на мѣста! — кричалъ французскій начальникъ, и солдаты неохотно расходятся.

Теперь посмотрите на этого десятилѣтняго мальчишку, который, въ старомъ, должно-быть отцовскомъ, картузѣ, въ башмакахъ на босу ногу и нанковыхъ штанишкахъ, съ самаго начала перемирія вышелъ за валъ и все ходилъ по лощинѣ, глядѣлъ на французовъ и на тѣла, лежащія на землѣ, и набиралъ голубые цвѣты. Возвращаясь домой съ большимъ букетомъ, онъ закрылъ носъ отъ запаха и остановился около кучки тѣлъ и долго смотрѣлъ на одинъ страшный безголовый трупъ. Постоявъ довольно долго, онъ подвинулся ближе и дотронулся ногой до вытянутой, окоченѣвшей руки трупа, — рука покачнулась немного. Онъ тронулъ ее еще разъ и крѣпче, — рука покачнулась и опять стала на свое мѣсто. Мальчикъ вдругъ вскрикнулъ, спряталъ лицо въ цвѣты и во весь духъ побѣжалъ прочь, къ крѣпости.

Да! На бастіонѣ и на траншеѣ выставлены бѣлые флаги, а на лугу лежатъ мертвые тѣла. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди — христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и служенія другимъ. Какъ же они, глядя на то, что сдѣлали, не покаются, не упадутъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто далъ имъ жизнь, вложилъ въ ихъ душу любовь къ добру, и со слезами радости и счастія не обнимутся какъ братья?

Нѣтъ!.. Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ ядра, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія.

Севастополь въ августѣ мѣсяцѣ.

I.

Въ концѣ августа по дорогѣ къ Севастополю ѣхала телѣжка. Спереди на облучкѣ сидѣлъ деньщикъ въ старомъ нанковомъ сюртукѣ и въ изорванной офицерской фуражкѣ; сзади его на узлахъ сидѣлъ офицеръ. Офицеръ этотъ былъ раненъ осколкомъ въ голову; теперь онъ выздоровѣлъ и ѣхалъ изъ больницы опять на службу въ свой полкъ.

Они подъѣхали къ почтовой станціи; офицеръ вылѣзъ изъ телѣжки и вошелъ въ комнату. Въ комнатѣ было много офицеровъ, стояли ихъ чемоданы и вещи, такъ что пріѣзжій едва могъ найти себѣ мѣсто. Онъ сѣлъ у окна, закурилъ папироску и сталъ смотрѣть на офицеровъ.

Въ комнату вошла толстая женщина. Въ рукахъ у ней была чашка съ борщомъ; она спросила.

— Кто борща спрашивалъ?

— Это Козельцевъ спрашивалъ. Надо его разбудить — отвѣтилъ ей одинъ офицеръ и подошелъ къ лавкѣ. На лавкѣ спалъ молодой мальчикъ лѣтъ семнадцати. Офицеръ разбудилъ его. Пріѣзжій офицеръ взглянулъ на мальчика, всталъ и подошелъ къ нему. Это былъ его младшій братъ.

— Володя, не узнаешь? — спросилъ старшій Козельцевъ,

Меньшой братъ кинулся къ нему на шею.

— Вотъ гдѣ встрѣтились! Какъ я радъ! Пойдемъ на крыльцо, поговоримъ.

— Да вѣдь ты обѣдать хотѣлъ?

— Нѣтъ, теперь не хочу.

Они вышли на крыльцо.

Старшій спросилъ о родныхъ, а младшій все спрашивалъ, какъ живутъ на войнѣ, и не очень ли тутъ страшно.

Потомъ они поѣхали въ Севастополь.

Когда они пріѣхали, старшій Козельцевъ хотѣлъ итти въ свой полкъ и узнать, гдѣ стоитъ батарея его брата. Но Володя не хотѣлъ оставаться одинъ и сказалъ:

— Пойдемъ лучше вмѣстѣ на бастіонъ; вѣдь все равно, мнѣ привыкать надо.

Они пошли, прошли первый мостъ и остановились на второмъ, который мѣстами уже заливало водой. Вѣтеръ, казавшійся слабымъ въ полѣ, здѣсь былъ очень силенъ и порывистъ; мостъ качало, волны съ шумомъ ударялись о бревна моста и заливали доски. Мимо нихъ проѣзжалъ верховой. Онъ остановился противъ старшаго Козельцова и сказалъ:

— А, Михайло Семенычъ! — что, уже совсѣмъ поправились?

— Какъ видите. Куда васъ Богъ несетъ?

— На Сѣверную, за патронами: вѣдь, я нынче за полковаго адъютанта... Штурма ждемъ съ часу на часъ.

— А гдѣ-же Марцовъ?

— Вчера ногу оторвало... Въ городѣ, въ комнатѣ спалъ... Можетъ вы его знаете?...

— Полкъ — на пятомъ, правда?

— Да, на мѣсто Могилевскаго полка заступилъ. Вы зайдите на перевязочное мѣсто: тамъ нашъ есть, — васъ проводятъ.

— Ну, а квартира моя, по Морской, цѣла?

— И, батюшка! Ужъ давно всю разбили бомбами... Вы теперь не узнаете Севастополя: ужъ женщинъ ни души нѣтъ, ни трактировъ, ни музыки; вчера послѣднее заведеніе переѣхало. Теперь ужасно грустно стало... Прощайте!

И офицеръ рысью поѣхалъ дальше.

Володѣ вдругъ сдѣлалось ужасно страшно: ему все казалось, что сейчасъ прелетитъ ядро, или осколокъ, и ударитъ его прямо въ голову.

Онъ глубоко вздохнулъ и отошелъ немного въ сторону отъ брата.

«Господи! неужели меня убьютъ, — именно меня? Господи, помилуй меня!» сказалъ онъ шепотомъ и перекрестился.

— Ну, пойдемъ, Володя! — сказалъ старшій братъ.—Видѣлъ бомбу?

На мосту встрѣчались братьямъ повозки съ ранеными, и одна съ мебелью, которую везла какая-то женщина. По другую сторону бухты *) никто не задержалъ ихъ.

Братья молча пошли около стѣны Николаевской батареи, прислушиваясь, какъ надъ ихъ головами

*) Заливъ.

лопались бомбы и падали сверху осколки; они пришли къ тому мѣсту, гдѣ былъ образъ. Тутъ узнали они, что пятая легкая батарея, въ которую назначенъ былъ Володя, стоитъ на Корабельной, и рѣшили вмѣстѣ, несмотря на опасность, итти ночевать къ старшему брату на пятый бастіонъ, а оттуда, завтра, въ батарею. Они повернули въ сѣни и, шагая черезъ ноги спящихъ солдатъ, которые лежали вдоль всей стѣны батареи, пришли на перевязочное мѣсто.

Въ первой комнатѣ съ койками, на которыхъ лежали раненые, былъ ужасно тяжелый, отвратительный больничный запахъ. Тутъ они встрѣтили двухъ сестеръ милосердія, которыя шли имъ навстрѣчу.

Одна женщина, лѣтъ пятидесяти, несла бинты и корпію и что-то приказывала молодому мальчику, фельдшеру, который шелъ за ней; другая красивая, — дѣвушка, лѣтъ двадцати съ блѣднымъ и нѣжнымъ лицомъ, шла подлѣ старшей.

Козельцевъ спросилъ ихъ, не знаютъ ли онѣ, гдѣ Марцовъ, которому вчера оторвало ногу.

— Это кажется, Подольскаго полка? — спросила старшая. — Что онъ вамъ родственникъ?

— Нѣтъ-съ, товарищъ.

— Проводите ихъ, — сказала она молодой сестрѣ, — вотъ сюда, и сама подошла съ фельдшеромъ къ раненому.

— Пойдемъ же... что ты смотришь? — сказалъ Козельцевъ Володѣ, который, поднявъ брови, съ страданіемъ смотрѣлъ на раненыхъ и не могъ никакъ оторвать отъ нихъ глазъ. — Пойдемъ же!

Володя пошелъ съ братомъ; по дорогѣ онъ все оглядывался и шепталъ.

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!

— Вѣрно, они недавно здѣсь? — спросила сестра у Козельцова, указывая на Володю, который ахая и вздыхая, шелъ занимъ по корридору.

— Только-что пріѣхалъ.

Хорошенькая сестра посмотрѣла на Володю и вдругъ заплакала и проговорила: «Боже мой, Боже мой! когда все это кончится». Они вошли въ офицерскую палату. Марцовъ лежалъ навзничь, закинувъ жилистыя, обнаженныя до локтей руки за голову и стиснувъ зубы, чтобы не кричать отъ боли. Уцѣлѣвшая нога была въ чулкѣ, высунута изъ подъ одѣяла, и видно было, какъ онъ судорожно отъ боли перебиралъ на ней пальцами.

— Ну что, какъ вамъ?—спросила сестра; она осторожно подняла его голову и поправила подушку.—Вотъ ваши товарищи пришли провѣдать васъ.

— Разумѣется, больно!—сердито сказалъ онъ. Оставьте, и такъ хорошо!... — Пальцы въ чулкѣ зашевелись еще быстрѣе.—Здравствуйте! Какъ васъ зовутъ? — спросилъ онъ Козельцева.., Ахъ, да, виноватъ,—тутъ все забудешь,—сказалъ онъ, когда тотъ сказалъ ему свою фамилію.—Вѣдь, мы съ тобой вмѣстѣ жили? — прибавилъ онъ, безъ всякой радости, и посмотрѣлъ на Володю.

— Это—мой братъ, нынче пріѣхалъ изъ Петербурга.

— Гм!... А я то вотъ и полный пенсіонъ вы-

служилъ... сказалъ онъ, морщась. — Ахъ, какъ больно!... Да, ужъ лучше бы конецъ скорѣе...

Онъ вздернулъ ногу, еще бастрѣе зашевелилъ на ней пальцами, и закрылъ лицо руками.

— Его надо оставить,—сказала шепотомъ сестра, со слезами на глазахъ:— ужъ онъ очень плохъ.

Братья вышли изъ Николаевской батареи и рѣшили итти каждому порознь.

— Только... какъ ты найдешь, Володя? — сказалъ старшій. — Впрочемъ, Николаевъ тебя проводитъ на Корабельную, а я пойду одинъ, завтра у тебя буду.

Больше ничего они не сказали другъ другу въ это послѣднее прощанье.

II.

Громъ пушекъ продолжался съ той же силой, когда Володя вмѣстѣ съ Николаевымъ шелъ по Екатерининской улицѣ; улица была пуста, только изрѣдка встрѣчались офицеры и солдаты. Володя слышалъ свои шаги и шаги Николаева, который шелъ за нимъ и тяжело дышалъ. Бомбы лопались, свистали ближе и ближе и Николаевъ вздыхалъ все чаще. Они подходили къ мосту, который велъ на Корабельную и увидали, какъ что-то, свистя, недалеко отъ нихъ, упало въ воду, освѣтило на секунду волны, исчезло, а потомъ съ брызгами поднялось.

— Вишь, не задохлась!... сказалъ хрипло Николаевъ.

Встрѣчались носилки съ ранеными, опять полко-

выя повозки. Какой-то полкъ встрѣтился на Корабельной; верховые проѣзжали мимо.

Поднявшись на гору, мимо какой-то бѣлой стѣны, Володя вошелъ въ улицу, гдѣ дома были разбиты. Тутъ бомбы еще чаще свистѣли и лопались около него. Николаевъ вздохнулъ и вдругъ началъ говорить, какъ показалось Володѣ, испуганнымъ голосомъ:

— Вотъ все торопились изъ губерніи ѣхать! Ѣхать да ѣхать!... Есть куда торопиться!

— Да что-жъ, коли братъ ужъ здоровъ теперь,— отвѣчалъ Володя. Онъ хотѣлъ хоть разговоромъ разогнать страхъ, который началъ нападать на него.

— Здоровъ... Какое его здоровье, когда онъ вовсе боленъ!? У кого настоящее здоровье-то, и тѣмъ лучше бы жить въ больницѣ въ эдакое время. Что, тутъ-то радости много, что-ли? Либо ногу, либо руку оторветъ—вотъ тѣ и все! Долго ли до грѣха? Ужъ на что здѣсь, въ городу не то, что на бастіонѣ, и то страсть какая. Идешь—молитвы всѣ перечитаешь. Ишь, бестія, такъ мимо тебя и визжитъ! — прибавилъ онъ, когда какой-то осколокъ близко прожужжалъ около него. Вотъ теперича,— продолжалъ Николаевъ, — велѣли ваше благородіе проводить. Наше дѣло — извѣстно: что приказано, то долженъ исполнять, а вѣдь повозку такъ на какого-то солдатишку бросили, и узелъ развязанъ... Иди да иди; а что изъ имѣнія пропадетъ — Николаевъ отвѣчай.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, они вышли на площадь. Николаевъ молчалъ и вздыхалъ.

— Вотъ антилерія ваша стоитъ, ваше благородіе!—сказалъ онъ вдругъ. У часового спросите: онъ вамъ покажетъ.

Володя, пройдя нѣсколько шаговъ, пересталъ слышать за собой вздохи Николаева. Онъ спросилъ у часоваго дома батарейнаго командира и пошелъ туда

III.

Домъ батарейнаго командира былъ небольшой двухъ-этажный, со входомъ со двора. Въ одномъ изъ оконъ, залѣпленномъ бумагой, свѣтился слабый огонекъ свѣчки. Деньщикъ сидѣлъ на крыльцѣ и курилъ трубку. Онъ пошелъ доложить батарейному командиру и ввелъ Володю въ комнату. Въ комнатѣ, между двухъ оконъ, подъ разбитымъ зеркаломъ, стоялъ столъ, заваленный казенными бумагами, нѣсколько стульевъ и желѣзная кровать съ чистою постелью.

Около самой двери стоялъ красивый мужчина съ большими усами — фельдфебель, въ тесакѣ и при шинели. По срединѣ комнаты взадъ и впередъ ходилъ невысокій, лѣтъ сорока, офицеръ, съ подвязанною распухшею щекой, въ тонкой старенькой шинели.

— Честь имѣю явиться, присланный въ 5-ю легкую, прапорщикъ Козельцовъ 2-й! — проговорилъ Володя, входя въ комнату.

Батарейный командиръ сухо отвѣтилъ на поклонъ и, не подавая руки, пригласилъ его садиться.

— А гдѣ ваши вещи? — спросилъ онъ вдругъ у Володи. Володя отвѣчалъ, что вещи на Графской и что завтра братъ обѣщалъ привезти ихъ.

Полковникъ не дослушалъ его, обратился къ фельдфебелю и спросилъ:

— Гдѣ бы намъ помѣстить прапорщика?

— Прапорщика-съ? — сказалъ фельдфебель. — Да вотъ-съ внизу, ваше высокоблагородіе, — продолжалъ онъ, подумавъ немного, — теперь штабсъ-капитанъ на бастіонѣ, такъ тихняя койка пустая остается.

— Такъ, вотъ, не угодно ли помѣсть? — сказалъ батарейный командиръ. — Вы, я думаю, устали; завтра лучше устроимся.

Володя всталъ и поклонился.

— Не угодно ли чаю? — сказалъ батарейный командиръ, когда Володя уже подходилъ къ двери. — Можно самоваръ поставить.

Володя поклонился и вышелъ. Подполковничій деньщикъ провелъ его внизъ и ввелъ въ голую, грязную комнату, въ которой валялся разный хламъ и стояла желѣзная кровать безъ бѣлья и одѣяла. На кровати, накрывшись толстою шинелью, спалъ какой-то человѣкъ въ розовой рубашкѣ.

Володя принялъ его за солдата.

— Петръ Николаевичъ! — сказалъ деньщикъ, толкая за плечо спящаго. — Тутъ прапоршикъ лятутъ... Это нашъ юнкеръ, — прибавилъ онъ обращаясь къ Володѣ.

— Ахъ, не безпокойтесь, пожалуйста! — сказалъ Володя; но юнкеръ, высокій, плотный, молодой мужчина, всталъ съ кровати, накинулъ шинель и, видимо не проснувшись еще хорошенько, вышелъ изъ комнаты.

— Ничего, я на дворѣ лягу, — пробормоталъ онъ.

Оставшись наединѣ, Володя потушилъ свѣчку, легъ на постель, снялъ съ себя шинель и закрылся

ею съ головою. Вдругъ ему пришла мысль, что прилетитъ бомба, пробьетъ крышу и убьетъ его. Онъ сталъ вслушиваться. «Ну, что если вдругъ — лолью возьмутъ Севастополь и французы ворвутся сюда? Что я тогда буду дѣлать? Я трусъ, мерзкій трусъ!» вдругъ подумалъ онъ. Ему грезились раненые и кровь, бомбы и осколки, которые влетаютъ въ комнату, то хорошенькая сестра милосердія, которая дѣлаетъ ему перевязку и плачетъ надъ нимъ, то мать его, какъ она провожала его, какъ горячо со слезами она молилась... и вдругъ онъ вспомнилъ о Богѣ. Онъ сталъ на колѣни и перекрестился.

Господи Великій! только Ты одинъ слышалъ и знаешь тѣ простыя, горячія мольбы раскаянія и просвѣтленія души, которыя восходили къ Тебѣ изъ этого страшнаго мѣста смерти, отъ генерала до простого солдата...

IV.

Старшій Козельцовъ встрѣтилъ на улицѣ солдата своего полка и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ прямо къ 5-му бастіону.

— Подъ стѣнкой держитесь, ваше благородіе! — сказалъ солдатъ.

— А что?

— Опасно, ваше благородіе: вонъ оно, ужъ черезъ несетъ! — сказалъ солдатъ, показывая на ядро, которое со свистомъ ударилось о сухую дорогу по той сторонѣ улицы.

Козельцовъ, не слушая солдата, бодро пошелъ по срединѣ улицы.

Все тѣ же были улицы, тѣ же огни, звуки, стоны, встрѣчи съ ранеными и тѣ же батареи, брустверы

и траншеи, какіе были весною, когда онъ былъ въ Севастополѣ; но все это, почему-то, было теперь грустнѣе, пробоинъ въ домахъ больше, огней въ окнахъ уже совсѣмъ нѣтъ, развѣ только въ больницѣ, женщины ни одной не встрѣчается.

Вотъ уже и послѣдняя траншея, вотъ и голосъ солдатика Подольскаго полка, узнавшаго своего прежняго ротнаго командира; вотъ и третій баталіонъ стоитъ въ темнотѣ, прижавшись у стѣнки.

— Гдѣ командиръ полка? — спросилъ Козельцовъ.

— Въ блиндажѣ, у флотскихъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ услужливый солдатикъ. — Пожалуйте, я васъ провожу. Солдатъ привелъ Козельцова къ канавкѣ въ траншеѣ. Въ канавкѣ сидѣлъ матросъ и курилъ трубочку; за нимъ виднѣлась дверь, въ щели которой просвѣчивалъ огонь.

— Можно войти?

— Сейчасъ доложу! — и матросъ вошелъ въ дверь.

Блиндажъ этотъ былъ удобный. Полъ крѣпкій и ровный. Двѣ кровати разставлены по стѣнамъ. На одной изъ кроватей спалъ морякъ, совершенно одѣтый, на другой, предъ столомъ, сидѣли и разговаривали новый полковой командиръ и его адъютантъ.

— Вы долгонько-таки лечились, — сказалъ полковникъ Козельцеву.

— Боленъ былъ, полковникъ! Еще и теперь рана хорошенько не закрылась.

— Такъ вы напрасно пріѣхали. Вы можете, однако, исполнять службу?

— Какъ-же-съ, могу!

— Ну, я очень радъ. Такъ вы примите отъ

прапорщика Зайдена, девятую роту — вашу прежнюю; сейчасъ же вы получите приказъ.

— Слушаю-съ.

Козельцевъ вышелъ изъ блиндажа прежде, чѣмъ итти къ своимъ офицерамъ, пошелъ поздороваться съ своею ротой и посмотрѣть, гдѣ она стоитъ.

Козельцевъ вошелъ въ длинный, совсѣмъ опрятный со стороны входа, блиндажъ, въ которомъ, какъ ему сказали, стояла 9-я рота. Просто ноги некуда было поставить — всѣмъ блиндажъ отъ самаго входа наполненъ былъ солдатами. Въ одной сторонѣ его свѣтилась сальная кривая свѣчка. Свѣчку держалъ солдатикъ, освѣщая книгу, которую по складамъ читалъ другой. Около свѣчки видны были поднятыя головы, которыя съ интересомъ слушали чтеніе. Книжка была азбука. Входя въ блиндажъ, Козельцевъ услышалъ слова:

«Бла-го-дарю Те-бя Созда-телю...»

— Снимите со свѣчки то! — сказалъ голосъ. — Книжка славная. Богъ... мой... продолжалъ чтецъ.

Когда Козельцевъ спросилъ фельдфебеля, чтецъ замолкъ, солдаты зашевелились, закашляли, засморкались; фельдфебель, застегиваясь, поднялся около чтеца и, шагая черезъ и по ногамъ тѣхъ, которымъ некуда было убрать ихъ, вышелъ къ офицеру.

— Здравствуй, братъ! Что, это все наша рота?

— Здравія желаемъ! Съ пріѣздомъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ фельдфебель, весело и дружелюбно глядя на Козельцева. — Какъ здоровьемъ поправились, ваше благородіе? Ну, и слава Богу! А то мы безъ васъ соскучились.

Видно было сейчасъ, что Козельцева любили въ

ротѣ. Въ блиндажѣ послышались голоса: «старый ротный пріѣхалъ, что раненъ былъ, Козельцевъ, Михаилъ Семенычъ», нѣкоторые даже подвинулись къ нему, барабанщикъ поздоровался.

— Здравствуй, Обанчукъ! — сказалъ Козельцевъ. — Цѣлъ?... Здорово, ребята! — сказалъ онъ потомъ, громкимъ голосомъ.

— Здравія желаемъ! — загудѣло въ блиндажѣ.

— Какъ поживаете, ребята?

— Плохо, ваше благородіе: одолѣваетъ французъ, — бьетъ изъ-за шанцевъ (земляной окопъ) — да и шабашъ!... А въ поле не выходитъ.

Отъ солдатиковъ Козельцевъ перешелъ въ казарму, къ товарищамъ-офицерамъ.

Въ большой комнатѣ казармы было пропасть народа: морскіе, артиллерійскіе и пѣхотные офицеры. Одни спали, другіе разговаривали, сидя на какомъ-то ящикѣ и лафетѣ крѣпостной пушки: третьи сидѣли на полу, на двухъ разостланныхъ буркахъ, пили портеръ и играли въ карты.

— А, Козельцовъ, Козельцевъ... Хорошо, что пріѣхалъ. Молодецъ!... Что рана? — послышалось съ разныхъ сторонъ.

И здѣсь видно было, что его любятъ и рады его пріѣзду.

V.

На другой день стрѣльба продолжалась съ тою же силою. Часовъ въ 11 утра, Володя Козельцовъ сидѣлъ въ кружкѣ батарейныхъ офицеровъ, уже успѣлъ немного привыкнуть къ нимъ, вмадривался въ новыя лица, разспрашивалъ и разсказывалъ. Скромная бесѣда артеллерійскихъ офицеровъ ему

нравилась, да и офицеры полюбили его за его красивое и доброе лицо. Юнкеръ Влангъ, котораго онъ разбудилъ вчера, тоже былъ тутъ. Онъ ничего не говорилъ, сидѣлъ скромно въ уголку, смѣялся, когда было что-нибудь смѣшное, вспоминалъ когда забывали что-нибудь, подавалъ водку и дѣлалъ папиросы для всѣхъ офицеровъ. Влангу понравились скромныя, учтивыя манеры Володи, который обращался съ нимъ такъ же, какъ и съ офицеромъ, а не помыкалъ имъ, какъ мальчишкой; онъ не спускалъ своихъ добрыхъ, большихъ глазъ съ лица новаго офицера, старался угождать и исполнять всѣ его желанія.

Предъ обѣдомъ смѣнился штабсъ-капитанъ (по фамиліи Краутъ) съ бастіона и пришелъ къ нимъ.

— Вотъ онъ! — сказалъ капитанъ, въ то время, какъ Краутъ, размахивая руками и побрякивая шпорами, входилъ въ комнату. — Очень пріятно познакомиться, прошу насъ любить и жаловать, — сказалъ онъ Володѣ, который, вставъ, поклонился ему. — штабсъ-капитанъ Краутъ. Мнѣ на бастіонѣ фейерверкеръ сказывалъ, что вы прибыли еще вчера.

— Очень вамъ благодаренъ за вашу постель: я ночевалъ на ней.

— Покойно ли вамъ только было?... Тамъ одна ножка сломана, да все некому починить въ осадномъ-то положеніи, — ее подкладывать надо.

— Ну что, счастливо отдежурили? — спросилъ Дяденко.

— Да, ничего; только Скворцову досталось, да лафетъ одинъ вчера починили, въ дребезги разбили станицу.

Онъ всталъ съ мѣста и началъ ходить.

— Влангъ! принесите-ка мнѣ мою трубочку да набейте! — сказалъ онъ юнкеру, который тотчасъ же охотно побѣжалъ за трубкой.

Крауть всѣхъ развеселилъ: разсказывалъ про бомбардированіе, распрашивалъ, что безъ него дѣлалось, заговаривалъ со всѣми.

Пришелъ деньщикъ полковника и позвалъ всѣхъ кушать.

Столъ былъ отодвинутъ отъ стѣны и накрытъ грязною скатертью въ той самой комнатѣ, въ которой вчера Володя являлся полковнику. Батарейный командиръ нынче подалъ ему руку и разспрашивалъ про Петербургъ и про дорогу.

— Нужъ, господа, кто водку пьетъ, — милости просимъ. Прапорщики не пьютъ, — прибавилъ онъ, улыбаясь.

Батарейный командиръ казался нынче вовсе не такимъ суровымъ, какъ вчера; напротивъ, онъ имѣлъ видъ добраго, гостепріимнаго хозяина и старшаго товарища между офицерами. Но, несмотря на то, всѣ офицеры показывали къ нему большое уваженіе.

Обѣдъ состоялъ изъ большой миски щей, въ которой плавали жирные куски говядины и огромное количество перцу и лавроваго листа, котлетъ съ горчицей и пирожковъ съ несовсѣмъ свѣжимъ масломъ. Салфетокъ не было, ложки были жестяныя и деревянныя, стакановъ было два и на столѣ стоялъ только графинъ воды съ отбитымъ горлышкомъ; но обѣдъ былъ веселъ: всѣ разговаривали. Во время обѣда, недалеко отъ дома, въ которомъ они сидѣли,

упала бомба. Полъ и стѣны задрожали, какъ отъ землетрясенія, и окна застлало порховымъ дымомъ.

— Вы этого, я думаю, въ Петербургѣ не видали. А здѣсь это часто бываетъ, — сказалъ батарейный командиръ. — Посмотрите, Влангъ, гдѣ это легло.

Влангъ посмотрѣлъ и донесъ, что на порядкѣ, и о бомбѣ больше рѣчи не было.

Передъ самымъ концомъ обѣда старичекъ, батарейный писарь, вошелъ въ комнату съ тремя запечатанными конвертами и подалъ тихъ батарейному командиру. «Вотъ этотъ весьма нуженъ, сейчасъ казакъ привезъ отъ начальника артиллеріи». Всѣ офицеры съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ смотрѣли на батарейнаго командира. «Что это можетъ быть?» думалъ про себя каждый. Можетъ быть, совсѣмъ выступленіе на отдыхъ изъ Севастополя, но можетъ быть и назначеніе всей батареи на бастіоны.

— Опять! — сказалъ батарейный командиръ, и сердито швырнулъ на столъ бумагу.

— О чемъ, Аполлонъ Сергѣевичъ? — спросилъ старшій офицеръ.

— Требуютъ офицера съ прислугой два какуто тамъ мортирную батарею... У меня и такъ всего четыре человѣка офицеровъ и прислуги годной въ строй не выходитъ, — ворчалъ батарейный командиръ, — а тутъ требуютъ еще! Однако надо помудить, господа, сказалъ онъ, помолчавши немного. — Приказано въ семь часовъ быть... Послать фельдфебеля! Кому-не итти, господа? рѣшайте, — повторилъ онъ.

— Да вотъ они еще нигдѣ не бывали, сказалъ кто то, указывая на Володю.

Батарейный командиръ ничего не отвѣтилъ. —

— Да, я желалъ бы, — сказалъ Володя, и почувствовалъ, какъ холодный потъ выступалъ у него на спинѣ и шеѣ.

— Нѣтъ, зачѣмъ! — перебилъ капитанъ. — Разумѣется, никто не откажется, но и напрашиваться не слѣдъ. Давайте лучше кинемъ жребій, какъ и тотъ разъ дѣлали.

Всѣ согласились. Краутъ нарѣзалъ бумажекъ, скаталъ ихъ и насыпалъ въ фуражку. Капитанъ шутилъ и даже рѣшился при этомъ случаѣ просить вина у полковника, «для храбрости», какъ онъ сказалъ. Дяденко сидѣлъ мрачный. Володя улыбался чему-то. Краутъ былъ совершенно спокоенъ.

Володѣ первому дали выбирать. Онъ взялъ одну бумажку, развернулъ и прочелъ на ней: «итти».

— Мнѣ, — сказалъ онъ и вздохнулъ.

— Ну, и съ Богомъ. Вотъ вы обстрѣляетесь сразу, — сказалъ батарейный, съ доброю улыбкой глядя на смущенное лицо прапорщика: — только поскорѣй собирайтесь. А чтобы вамъ веселѣе было, Влангъ пойдетъ съ вами.

VI.

Влантъ былъ очень доволенъ своимъ назначеніемъ, живо побѣжалъ собираться и, одѣтый, пришелъ помогать Володѣ. Володя, къ удивленію и радости своей, замѣтилъ, что теперь онъ уже совсѣмъ не такъ боялся, какъ это было наканунѣ. Часовъ въ семь, только что солнце начинало прятаться за Николаевскою казармой, фельдфебель вошелъ къ нему и сказалъ, что люди готовы и дожидаются.

— Я *Влангѣ* списокъ отдалъ. Вы у него извольте спросить, ваше благородіе! — сказалъ онъ. —

Человѣкъ двадцать артиллерійскихъ солдатъ, въ тесакахъ, безъ принадлежности, стояли за угломъ дома. Володя вмѣстѣ съ юнкеромъ подошелъ къ нимъ и смѣло крикнулъ своимъ звучнымъ голосомъ: «здорово, ребята!» Солдатамъ пріятно было услышать его молодой, свѣжій голосъ и они весело отозвались на его привѣтствіе. Володя бодро шелъ впереди солдатъ, и хотя сердце у него стучало такъ, какъ будто онъ пробѣжалъ во весь духъ нѣсколько верстъ, походка у него была легкая и лицо веселое. Подходя уже къ самому *Малахову кургану* (такъ называлось переднее укрѣпленіе, бывшее почти въ серединѣ ряда Севастопольскихъ батарей; это мѣсто считалось самымъ опаснымъ мѣстомъ въ Севастополѣ) и поднимаясь на гору, онъ замѣтилъ что Влангъ, ни на шагъ не отставшій отъ него и дома казавшійся такимъ храбрымъ, безпрестанно сторонился и нагибалъ голову, какъ будто всѣ бомбы и ядра, ужъ очень часто свистѣвшія тутъ, летѣли прямо на него. Нѣкоторые изъ солдатиковъ дѣлали тоже, и воообще на большей части ихъ лицъ выражалось безпокойство. Все это очень успокоило Володю и онъ думалъ:

«Такъ вотъ я и на Жалаховомъ курганѣ; я думалъ, что онъ въ тысячу разъ страшнѣе!.. И я могу итти — не кланяясь ядрамъ и трушу гораздо меньше другихъ. Такъ я не трусъ?»

Въ сумеркахъ Володя съ своими солдатами подходилъ къ своему блиндажу. Блиндажъ, къ которому провелъ его проводникъ, была просто яма

сажени въ длину, накрыта аршинными дубовыми бревнами. Въ ней-то онъ и помѣстился со всѣми своими солдатами. Вланъ, какъ только увидалъ низенькую въ аршинъ дверь блиндажа, опрометью, прежде всѣхъ, вбѣжалъ въ нее и, чуть не разбившись о каменный полъ, забился въ уголъ, изъ котораго уже не выходилъ больше. Всѣ солдаты помѣстились вдоль стѣнъ, на полу, нѣкоторые закурили трубочки; Володя разбилъ свою кровать въ углу, зажегъ свѣчку и, закуривъ папироску, легъ на койку. Надъ блиндажемъ слышались безпрестанные выстрѣлы, но не слишкомъ громко. Въ самомъ блиндажѣ было тихо; солдаты еще дичились новаго офицера, изрѣдка переговаривались, прося одинъ другого посторониться, или стопку—трубочку закурить. Вланъ все еще не опомнился отъ страха смотрѣлъ кругомъ и громко вздыхалъ.

Минутъ черезъ десять солдатики поосмѣлились и поразговорились. Поближе къ огню и кровати офицера расположились люди позначительнѣе — два *фейерверкера* (унтеръ-офицера): одинъ — сѣдой, старый, другой—молодой, изъ канонировъ, курившій венгерскую папироску. Барабанщикъ, какъ и всегда, взялъ на себя обязанность прислуживать офицеру. *Бомбардиры* (тѣ, которые стрѣляютъ изъ мортиръ) и кавалеры сидѣли поближе; а ужъ тамъ въ тѣни, около входа, помѣстились *покорные*. Между ними-то и начался разговоръ. Къ нимъ въ блиндажъ вползся какой-то человѣкъ.

— Что, братъ, на улицѣ не посидѣлъ?... Али не весело дѣвки играютъ?—сказалъ одинъ голосъ.

— Такія пѣсни играютъ чудныя, что въ деревнѣ

никогда не слыхивали... сказалъ, смѣясь, тотъ, ко-
торый вбѣжалъ въ блиндажъ.

— А не любитъ Васинъ бомбовъ, — ахъ, н
любитъ! — сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Что-жъ? Когда нужно, совсѣмъ другая статья, —
сказалъ не торопясь Васинъ, — когда онъ говорилъ
то всѣ другіе замолкали. — 24-го числа такъ па
лили по крайности; а то что-жъ дурно-то?... Да
ромъ убьетъ, и начальство за это нашему брат
спасибо не говоритъ.

При этихъ словахъ Васина всѣ засмѣялись.

— Вотъ, Мельниковъ, тотъ, небось, все на дв
рѣ сидитъ, — сказалъ кто-то.

— А пошлите его сюда, Мельникова-то, приб
вилъ старый фейерверкеръ, — и въ самомъ дѣл
убьютъ, такъ понапрасну.

— Что это за Мельниковъ? — спросилъ Володя

— А такой у насъ, ваше благородіе, глуп
солдатикъ есть. Онъ ничего какъ есть не боится
теперь все на дворѣ ходитъ. Вы его извольте п
смотрѣть: онъ и изъ себя-то на *медвѣдя* похож

Мельниковъ вошелъ въ блиндажъ. Это былъ то
стый (что бываетъ очень рѣдко между солдатами
рыжій, красный мужчина, съ огромнымъ лбомъ
большими ясно-голубыми глазами.

— Что ты боишься бомбъ? — спросилъ его Воло

— Чего бояться бомбовъ-то! — отвѣтилъ Мель
ковъ, пожимаясь и почесываясь. — Меня изъ бом
не убьютъ, я знаю.

— Такъ ты бы захотѣлъ тутъ жить?

— А извѣстно, хотѣлъ бы. Тутъ весело! сказалъ онъ и вдругъ расхохотался.

— О, такъ тебя надо на вылазку взять! Хочешь, я скажу генералу? — сказалъ Володя.

— А какъ не захотѣть, — хочу.

И Мельниковъ спрятался за другихъ.

— Давайте въ носки, ребята! У кого карты есть — послышался его тороплівый голосъ.

Дѣйствительно, скоро въ заднемъ углу завязалась игра, — слышались удары по носу. Смѣхъ и возгласы. Володя напился чаю изъ самовара, который поставилъ ему барабанщикъ, угощалъ фейерверкеровъ, шутилъ, разговаривалъ съ ними. Солдатики, замѣтивъ, что баринъ простой, тоже поразговорились.

Все это очень забавляло Володю. Онъ не только не чувствовалъ ни малѣйшаго страха или неудовольствія отъ тѣсноты и спертаго воздуха блиндажа, но ему было даже весело и пріятно.

Уже многіе солдаты храпѣли. Влангъ тоже растянулся на полу, старый фейерверкеръ, разостлавъ шинель и крестясь, бормоталъ молитвы предъ сномъ. Володѣ захотѣлось выйти изъ блиндажа — посмотрѣть, что дѣлается на дворѣ.

— Подбирай ноги! — закричали другъ другу солдаты, когда онъ только что всталъ, и ноги, поджимаясь, дали ему дорогу.

Влангъ вдругъ поднялъ голову и схватилъ Володю за полу шинели.

— Ну, полноте не ходите, — какъ можно! — заговорилъ онъ слезливо-жалостнымъ голосомъ. — Вы

еще не знаете: тамъ безпрестанно падаютъ ядра. Лучше здѣсь...

Но, несмотря на просьбы Влинта, Володя выбрался изъ блиндажа и сѣлъ на порогѣ, на которомъ уже сидѣлъ Мельниковъ.

Воздухъ былъ чистый и свѣжій, особенно послѣ блиндажа; ночь была ясная и тихая. За звуками выстрѣловъ слышались звуки отъ телѣгъ и говоръ людей, работавшихъ на пороховомъ погребѣ. По звѣздному небу пробѣгали огненныя полосы отъ бомбъ; впереди виднѣлся бугоръ порохового погреба; мимо него мелькали согнувшіяся люди, а на самомъ верху бугорка, подъ пулями и бомбами, стоялъ кто-то въ черномъ пальто и ногами притаптывалъ землю, которую мѣшками носили туда другіе люди. Бомбы часто-то пролетали и разрывались очень близко отъ погреба. Солдаты, носившіе землю, пригибались, сторонились; человѣкъ въ черномъ пальто не пригибался и спокойно утаптывалъ землю ногами.

— Кто этотъ черный? — спросилъ Володя у Мельникова.

— Не могу знать; пойду — посмотрю.

— Не ходи! Не нужно.

Мельниковъ не послушался, всталъ, подошелъ къ черному человѣку и очень долго, такъ же спокойно и не нагибаясь, стоялъ около него.

— Это — погребной, ваше благородіе, — сказалъ онъ, возвратясь; — погребокъ пробило бомбой, такъ пѣхотные землю носятъ.

Изрѣдка, казалось, бомбы летѣли прямо въ двери блиндажа. Тогда Володя прижимался за уголъ и

снова высовывался, глядя наверхъ, не летитъ ли еще сюда. Хотя Влангъ нѣсколько разъ изъ блиндажа умолялъ Володю вернуться, онъ часа три просидѣлъ на порогѣ и смотрѣлъ за полетомъ бомбъ. Подъ конецъ вечера онъ уже зналъ, откуда сколько стрѣляютъ орудій и куда ложатся ихъ снаряды.

VII.

На другой день, 27-го августа, послѣ десятичасового сна, Володя, веселый, бодрый, рано утромъ вышелъ на порогъ блиндажа. Многіе солдаты тоже повыходили на воздухъ, несмотря на то, что бомбы такъ и сыпались кругомъ нихъ. Влангъ тоже было вылѣзъ вмѣстѣ съ нимъ, но при первомъ звукѣ пули стремглавъ, пробивая себѣ головой дорогу, бросился назадъ въ блиндажъ при общемъ хохотѣ солдатиковъ. Мельниковъ уже съ самой зорьки прогуливался по батареямъ, спокойно поглядывая вверхъ.

Около порога сидѣли двое старыхъ и одинъ молодой курчавый солдатъ изъ жидовъ, прикомандированный изъ пѣхоты. Солдатъ этотъ поднялъ одну валявшуюся пулю, расплюснулъ ее черепкомъ о камень и ножомъ вырѣзывалъ изъ нея что-то; другіе разговаривали и смотрѣли на его работу.

— А что, какъ еще постоимъ здѣсь сколько-нибудь, — говорилъ одинъ изъ нихъ, — такъ по замиреніи всѣмъ въ отставку срокъ выйдетъ?

— Какже! мнѣ и то всего четыре года до отставки оставалось, а теперь пять мѣсяцевъ простоялъ въ Севастополѣ.

— Къ отставкѣ не считается, слышь? сказалъ другой.

Въ это время ядро просвистѣло надъ ихъ головами и въ аршинѣ ударилось отъ Мельникова, подходившаго къ нимъ по траншеѣ.

— Чуть не убило Мельникова,—сказалъ одинъ.

— Не убьетъ,—отвѣчалъ Мельниковъ.

— Нѣтъ, братъ, тутъ, значитъ, мѣсяцъ за годъ ко всему считается, — на то приказъ былъ, — продолжался разговоръ.

— Какъ ни суди, безпремѣнно, по замиренiи, сдѣлаютъ смотръ царскiй въ Варшавѣ, и коли не отставка, такъ въ безсрочные выпустятъ.

Въ это время визгливая, зацѣпившаяся пулька пролетѣла надъ самыми ихъ головами и ударилась о камень.

— Смотри еще до вечера въ *чистую* выйдешь,— сказалъ одинъ изъ солдатъ.

Всѣ засмѣялись.

И не только до вечера, но черезъ два часа уже двое изъ нихъ получили чистую и пятеро были ранены; но остальные шутили попрежнему.

Къ утру двѣ мортиры были починены, такъ что можно было стрѣлять изъ нихъ. Часу въ десятомъ, по полученному приказанiю отъ начальника бастiона, Володя вызвалъ свою команду и съ нею вмѣстѣ пошелъ на батарею.

Въ людяхъ не замѣтно стало совсѣмъ боязни и страха, какъ скоро они принялись за дѣло. Только Влангъ не могъ пересилить страхъ: притался и гнулся все такъ же, да и Васинъ все суетился и присѣдалъ безпрестанно. Володя же былъ удивительно веселъ: ему не приходила и мысль объ опасности. Радость, что онъ исполняетъ свою обязанность, какъ

онъ думалъ, что онъ не только не трусъ, но даже храбръ, что на него съ любопытствомъ смотрятъ двадцать человѣкъ, — все это сдѣлало изъ него совершеннаго молодца. Онъ даже тщеславился своею храбростью, вылѣзалъ на банкетъ и нарочно разстегнулъ шинель, чтобы быть замѣтнѣе. Начальникъ бастіона, обходившій въ это время свое хозяйство, не могъ не полюбоваться на этого хорошенькаго мальчика, съ разстегнутой шинели, изъ подъ которой видна была красная рубашка, съ разгорѣвшимся лицомъ и глазами, похлопывающаго руками, звонкимъ голосомъ командующаго: *первое, второе* (то-есть стрѣлять первому орудію, стрѣлять второму) и весело вбѣгающаго на брустверъ, чтобы посмотрѣть, куда падаетъ его бомба. Въ половинѣ двѣнадцатаго стрѣльба съ обѣихъ сторонъ затихла, а ровно въ двѣнадцать часовъ начался штурмъ *) Малахова кургана — 2-го, 3-го и 5-го бастіоновъ.

VIII.

По эту сторону залива, на холмѣ телеграфа, около полудня, стояли два офицера: одинъ — морякъ, смотрѣвшій въ трубу на Севастополь, а другой — гусаръ, верховой.

Они смотрѣли въ ту сторону залива на Севастополь. По всей линіи укрѣпленій видны были безпрестанные огни отъ выстрѣловъ и клубы бѣлаго густого дыма. Гулъ отъ взрывовъ и выстрѣловъ не стихалъ ни на минуту.

Къ двѣнадцати часамъ дымъ сталъ показываться рѣже и рѣже, и гулъ сталъ ослабѣвать.

*) Приступъ.

— Однако, второй бастіонъ ужъ совсѣмъ не отвѣчаетъ,—сказалъ гусарскій офицеръ, сидѣвшій верхомъ; — весь разбитъ должно-быть.

— Да и Малаховъ на каждые три ихъ выстрѣла посылаетъ только одинъ, отвѣчалъ тотъ, который смотрѣлъ въ трубу.

— А посмотри, къ двѣнадцати часамъ, какъ я говорилъ, онъ всегда перестаетъ бомбардировать. Вотъ и нынче также. Поѣдемъ лучше завтракать,— насъ ждутъ уже теперь... Нечего смотрѣть.

— Постой, не мѣшай! — отвѣчалъ смотрѣвшій въ трубу, и сталъ пристально смотрѣть на Севастополь.

— Что же тамъ, что?... Движеніе въ траншеяхъ, непріятели идутъ?

— Да, теперь видно, сказалъ морякъ,—идутъ. Надо дать сигналъ... Смотри, смотри, вышли изъ траншеи!

Дѣйствительно, даже простымъ глазомъ видно было, какъ темныя пятна двигались съ горы чрезъ *балку* (оврагъ) отъ французскихъ батарей къ бастіонамъ. На бастіонахъ вспыхнули, въ разныхъ мѣстахъ, точно перебѣгая, бѣлые дымки выстрѣловъ. Послышалась частая ружейная перестрѣлка. Черныя полосы французовъ двигались, въ самомъ дыму, ближе и ближе...

Стрѣльба становилась все сильнѣе и сильнѣе. Дымъ поднимался чаще и чаще и расходился быстро по линіи; кое-гдѣ мелькали огни и черныя точки; потомъ ничего нельзя было разобрать, слышенъ былъ только страшный, ужасный трескъ.

— Штурмъ! — сказалъ офицеръ, съ блѣднымъ лицомъ отдавая трубу моряку.

Казаки проскакали по дорогѣ. Вотъ проѣхалъ главнокомандующій въ коляскѣ и офицеры верхами, у всѣхъ на лицѣ видна тревога и безпокойство.

— Не можетъ быть, чтобы взяли! — сказалъ офицеръ на лошади.

— Ей Богу не русское знамя!.. Посмотри, посмотри, — сказалъ другой, — французское на Малаховомъ!

— Не можетъ быть! . . . .

XI

Козельцовъ старшій, не спавшій всю ночь, подъ утро заснулъ и спалъ крѣпкимъ сномъ, когда раздался роковой крикъ:

— Тревога!

— Что вы спите, Михайло Семенычъ! Штурмъ! — крикнулъ ему чей-то голосъ.

— Вѣрно школьникъ какой-нибудь, — сказалъ онъ, открывая глаза и не вѣря.

Но вдругъ онъ увидалъ офицера, бѣгающаго не помня себя изъ угла въ уголъ и съ такимъ блѣднымъ лицомъ, что онъ все понялъ. Онъ вскочилъ съ постели и во весь духъ побѣжалъ въ роту. Стрѣльба пушечная кончилась, но трескотня ружей была во всемъ разгарѣ. Пули свистѣли не по одной, а роями, какъ стая осеннихъ птичекъ, пролетали надъ головами. Все то мѣсто, на которомъ стоялъ вчера его батальонъ, было застлано дымомъ, были слышны нестройные крики. Солдаты, раненые и не раненые, толпами попадались ему навстрѣчу.

Пробѣжавъ еще шаговъ тридцать, онъ увидѣлъ свою роту, прижавшуюся къ стѣнкѣ.

— Заняли *Шварца!* (такъ назывался передовой редутъ) — сказалъ молодой офицеръ. — Все пропало! — Козельцовъ разсердился.

— Вздоръ! — сказалъ онъ. Онъ выхватилъ свою маленькую желѣзную, тупую сабельку и закричалъ:

— Впередъ, ребята! Ура-а!

Голосъ его былъ звучный, громкій. Онъ кинулся впередъ; человѣкъ пятьдесятъ солдатъ съ криками бросились за нимъ и выбѣжали на открытую площадку. Пули посыпались, какъ градъ. Двѣ пули ударились въ Козельцова, но сгоряча онъ ихъ почти не замѣтилъ. Впереди въ дыму, ему уже видны были синіе мундиры и красные панталоны и слышались не русскіе крики; одинъ французъ стоялъ на брустверѣ, махалъ шашкой и кричалъ что-то. Козельцовъ бѣжалъ все впередъ и впередъ. Нѣсколько солдатъ обогнали его; другіе солдаты показались сбоку и бѣжали тоже за нимъ. Синіе мундиры бѣжали отъ него назадъ къ своимъ траншеямъ; подъ ногами попадались раненые и убитые.

Когда Козельцовъ добѣжалъ уже до послѣдняго ряда, все смѣшалось у него въ глазахъ и онъ почувствовалъ боль въ груди. Чрезъ полчаса онъ лежалъ на носилкахъ около Николаевскаго кавалера и узналъ, что раненъ, но ему было не больно, ему только хотѣлось напиться чего-нибудь холоднаго и лечь поспокойнѣе.

Маленькій, толстый, съ большими черными бакенбардами, докторъ подошелъ къ нему и разсѣкъ пулъ шпель. Козельцовъ черезъ подбородокъ свот-

рѣлъ на то, что дѣлаетъ докторъ съ его раной, и на лицо доктора, но боли никакой не чувствовалъ. Докторъ закрылъ рану рубашкой, отеръ пальцы объ полы пальто и, молча, глядя на раненаго, отошелъ къ другому. Козельцовъ видѣлъ, какъ докторъ, перевязывая другого раненаго, указалъ на Козельцова, сказалъ что-то священнику, съ крестомъ стоявшему тутъ.

— Что, я умру? — спросилъ Козельцовъ у священника, когда онъ подошелъ къ нему.

Священникъ, не отвѣчая, прочелъ молитву и подалъ крестъ раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Онъ взялъ слабыми руками крестъ, прижалъ его къ губамъ и заплакалъ.

X.

Не такая участь ожидала Володю. Онъ слушалъ сказку, которую разсказывалъ ему Васинъ, когда вдругъ закричали: «Французы идутъ!» Первую секунду онъ испугался и не двигался съ мѣста, взглянувъ кругомъ, онъ увидѣлъ, что солдаты спокойно застегивали шинели и вылѣзали одинъ за другимъ. Володя успокоился, — одинъ солдатъ, кажется Козельниковъ, шутливо сказалъ:

— Выходи съ хлѣбомъ-солью, ребята!

Володя съ Васинымъ вылѣзъ изъ блиндажа и побѣжалъ за батареей. Пушечной стрѣльбы съ той стороны уже небыло. Володя весе-

подбѣжалъ къ брустверу, около котораго стояли его мортиры. Ему ясно было видно, какъ французы бѣжали прямо на него по чистому мѣсту, какъ толпы ихъ шевелились въ ближайшихъ траншеяхъ и какъ блестѣли на солнцѣ ихъ штыки. Одинъ маленькій широкоплечій, со шпагой, бѣжалъ впереди и перепрыгивалъ черезъ ямы. «Стрѣлять картечью!» крикнулъ Володя и сбѣжалъ съ банкета; но солдаты уже распорядились безъ него и металлическій звукъ картечи просвисталъ надъ его головой, сначала изъ одной, потомъ изъ другой мортиры. «Первая! вторая»! командовалъ Володя, перебѣгая отъ одной мортиры къ другой и совершенно забывъ объ опасности. Сбоку слышались близкая трескотня ружей и суетливые крики.

Вдругъ слѣва послышался отчаянный крикъ нѣсколькихъ человѣкъ: «Обходятъ, обходятъ!» Володя оглянулся на крикъ. Человѣкъ двадцать французовъ показались сзади. Одинъ изъ нихъ съ черною бородой, красивый мужчина, былъ впереди всѣхъ; подбѣжавъ шаговъ на десять къ батарѣе, онъ остановился, выстрѣлилъ прямо въ Володю и потомъ снова побѣжалъ къ нему. Съ секунду Володя стоялъ какъ окаменѣлый и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Когда онъ опомнился и оглянулся, впереди его на бустверѣ, были уже синіе мундиры; два француза въ десяти шагахъ отъ него заклепывали пушку. Около него лежалъ Мельниковъ, убитый пулей. Влангъ схватилъ какую-то палку и съ яростью сталъ махать ею. «За мной, Владиміръ Семеновичъ, за мной!» кричалъ онъ и махалъ на французовъ. Его смѣлость озадачила ихъ. Одного, передняго

онъ ударилъ по головѣ, и другіе пріостановились. Влангъ продолжалъ все оглядываться и кричать: «За мной, Владиміръ Семенычъ! Что вы стоите! Бѣгите!» Онъ подбѣжалъ къ траншеѣ, гдѣ лежала пѣхота, стрѣляя по французамъ. Вскочивъ въ траншею, онъ снова высунулся изъ нея, чтобы посмотрѣть, что дѣлаетъ его любимый прапорщикъ.

А Володя ничкомъ лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и все это мѣсто было наполнено французами.

КОНЕЦЪ.

Склады изданій „ПОСРЕДНИКА“

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ книжномъ складѣ „Посредникъ“, С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Б. Невка, № 14. (Главный складъ, контора и редакція).

ВЪ МОСКВѢ: 1) У книгопродавца И. Д. Сытина и К°, у Никитскихъ воротъ, д. Медынцевой, и на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова.

Въ этихъ двухъ главныхъ складахъ изданія продаются въ розницу по оптовой цѣнѣ. Кромѣ того, изданія склада «Посредникъ» продаются

ВЪ МОСКВѢ: Въ редакціи журнала «Русская Мысль», Леонтьевскій пер.

ВЪ КОСТРОМѢ: У учителя Городского училища Евгенія Миліевича Никифорова.

ВЪ ПЕНЗѢ: Въ книжномъ магазинѣ В. Н. Алексѣева.

ВЪ КУРСКѢ: Въ книжномъ магазинѣ А. В. Перепле-тенко и въ книжномъ магазинѣ Кашкина.

ВЪ КАЗАНИ: При конторѣ редакціи „Вожскій Вѣстникъ“, Большая Лядская, д. Иванова.

ВЪ УФѢ: У Николая Александровича Шмитцъ. Казанская ул., д. Кларкъ.

ВЪ САМАРѢ: Въ книжномъ магазинѣ Н. М. Ѳедорова.

ВЪ САРАТОВѢ: Въ Приволжской книжной торговлѣ Т. Е Чернова. Никольская улица.

ВЪ ХАРЬКОВѢ: Въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, коммиссіонеровъ Государственной Типографіи, Московская улица домъ Императорскаго Харьковскаго Университета, № 7.

ВЪ НОВОЧЕРКАСКѢ: Въ магазинѣ Н. И. Рѣдичкина Платовскій проспектъ, домъ Болдыревой.

ВЪ ОДЕССѢ: Славянское общество, аудиторія народныхъ чтеній. Ямская, № 66.

ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ: Въ магаз. А. Ф. Родіоновой.

ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ: Въ магаз. А. Ф. Родіоновой.

ВЪ ОКНѢ (Подольской губ.) У князя Анатолія Евгеніевича Гагарина.

ВЪ ТОМСКѢ: Въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, коммиссіонеровъ Государственной Типографіи

ВЪ ТАМБОВѢ: въ книжномъ магазинѣ И. Ф. Зотова.

ВЪ ОРЛѢ: въ редакціи «Орловскаго Вѣстника».

ИЗДАНІЕ „ПОСРЕДНИКА“

Дозв. Ценз. С.-Пет., Августа 1886 г. Тип. И. Д. Сытина и К° въ Москвѣ

W381.5917N-T588o

W117167